

ГЛАВА 4. «НЕТРАДИЦИОННЫЕ» ВОЙНЫ БУДУЩЕГО

«Победа улыбается тем, кто предчувствует изменения в характере войны, а не тем, кто ждет изменений в надежде приспособиться к ним».

Генерал Джулио Дуэ. «Господство в воздухе», 1921 г.

Военно-теоретическая мысль в современных Соединенных Штатах поистине достигла своего расцвета. Вооруженные силы этого государства уже сегодня являются лидерами по количеству уставов и наставлений, в которых расписано все, вплоть до размера и формы серег в ушах женщин-военнослужащих¹, не говоря уже о ведении боевых действий в различных условиях местности и обстановки. И все же, несмотря на это, появляются все новые концепции и взгляды на сущность и причины войн и вооруженных конфликтов, формы и способы их ведения. Серьезной проблемой, стоящей в центре всех этих теоретических разработок остается будущая война. В США понимают, что уже сегодня необходимо готовить войска к угрозам и вызовам завтрашнего дня, а это требует осмысления и творческой переработки военного опыта прошлого, постижения тенденций развития, научно-прогностического предвидения будущего.

Вокруг всех этих серьезных проблем, равно как и многих частных вопросов, подобных выработке тактики действий против террористов, в США ведутся интенсивные дискуссии, обмены мнениями и научные «баталии». В них принимают участие как целые школы военно-теоретической мысли, так и отдельные независимые исследователи.

Как таковой военной науки в США нет, а новые идеи и концепции формулируются яркими личностями, военными теоретиками, «гуру», у которых появляются свои последователи, которые и создают своеобразную школу.

Школами военно-теоретической мысли можно назвать научно-исследовательские институты, центры, проекты, функционирующие как при учебных центрах министерства обороны США, так и при гражданских университетах. Некоторые из них, подобные корпорации РЭНД являются весьма авторитетными и широко известными во всем мире. Другие объединяются вокруг определенной идеи или авторитетной личности,

¹ Наставление сухопутных войск США «Справочник солдата» FM 7-21.13. Soldier's Guide, изданное в октябре 2003 года, в статье 3-115 определяет, что женщинам-военнослужащим разрешается носить с парадной и повседневной военной формой одежды, а также и с гражданским платьем при исполнении обязанностей военной службы серьги из золота, серебра, белого жемчуга или бриллиантов, однако они не должны превышать 6 мм в диаметре, не должны содержать никаких украшений и быть круглыми. Ношение серег с полевой формой одежды, при работе в столовой, в госпиталях, во время занятий спортом воспрещается.

формируют исследовательский центр и самостоятельно создают целое направление военно-теоретических исследований.

Независимые исследователи представлены, в основном, отставными офицерами вооруженных сил США, решившими не связывать свои творческие планы с официальными структурами, а формулировать свои концепции свободно.

Клаузевиц устарел?

В 90-х гг. XX века на страницах американской военной печати стала широко обсуждаться тема сущности современных войн. Многие политологи и военные специалисты США пришли к выводу, что традиционные взгляды на сущность войны, основанные на положениях теории Клаузевица, уже «не работают». Классические взгляды на войну как на продолжение политики, как на вооруженный конфликт между государствами для достижения определенных политических целей, по мнению некоторых теоретиков, уже не отражали политические реалии конца XX столетия.

Одним из наиболее авторитетных «критиков» теории Клаузевица стал профессор Мартин ван Кревельд, автор нашумевшей книги «Трансформация войны»². Ван Кревельд – профессиональный историк, в течение длительного времени преподавал в университете в Иерусалиме. В 1991-1992 гг. он преподавал в Командно-штабном колледже морской пехоты США в Квантико под Вашингтоном, активно пропагандируя свои взгляды среди элиты вооруженных сил США. В результате, к концу 90-х годов ван Кревельд стал одним из самых авторитетных «пророков» в военном ведомстве США.

В книге «Трансформация войны» ван Кревельд прямо писал: «Бессмысленно спрашивать, зачем люди едят или зачем они спят. Война в определенном смысле является не средством, а целью». Ван Кревельд предсказывал, что войны будущего будут, таким образом, не классическим «продолжением политики», а своеобразной формой существования человеческого общества.

Классические представления о «войне по-Клаузевицу» предполагали, что «игроками» в войне выступают народ, армия, правительство. По мнению М. ван Кревельда, сущность войны начала изменяться по мере того, как «отмирал» институт государства («нации-государства»), а негосударственные структуры стали проявлять себя в качестве активных «игроков» на мировой арене. В конце XX века в «игру» вступили новые «актеры» - политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и нарко-картели. Вооруженные конфликты уже представляли собой не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия.

² Creveld van, M. Transformation of Warfare. New York, 1991.

В одной из своих последующих статей ван Кревельд отмечал, что новые «игроки»-негосударственные организации имеют одно общее – они или подменяют собой государственные структуры, или пытаются уйти из-под контроля государства. По мере ослабления института государства, негосударственные структуры набирают все больше и больше сил и авторитета. Определенную группу негосударственных организаций составляют частные охранные структуры. В этом бизнесе в США в середине 90-х годов было занято 1,6 млн. человек (столько же, сколько было в регулярных вооруженных силах США на тот период), а его содержание обходилось ежегодно в 52 млрд. долларов (больше, чем бюджет всей американской полиции)³.

Авторитетный западный военный исследователь М. Карвер в своей книге «Война после 1945 г.»⁴ подсчитал, что в период 1945-1980 гг. из 16 военных конфликтов, которые затронули Великобританию, 12 были нетрадиционными. Они велись «не по правилам», а их участники не носили военной формы. Более того, из 12 конфликтов последней категории 11 закончились победой иррегулярных формирований⁵.

Аналогичная картина наблюдалась и все последующие годы. Так, по оценкам Джона Лаффина, из 28 крупных конфликтов, имевших место в 1991 году, в 25 как минимум одной из сторон были иррегулярные формирования⁶.

В аналитическом обзоре Центра оборонной информации в Вашингтоне «Мир в войне – январь 2002 года» указывается, что в 1999-2001 гг. ежегодно отмечалось около 40 крупных вооруженных конфликтов (количество жертв не менее одной тысячи человек)⁷.

Западные авторы единодушны в своих оценках: вооруженные конфликты современности отличаются крайней жестокостью и непримиримостью сторон. Они ведутся долго и безрезультативно, втягивая в свою орбиту многих участников, не только вооруженные силы и силы по поддержанию порядка, но и гражданское население. Как правило, корни этих конфликтов глубоко скрыты в истории и культуре воюющих сторон, что часто делает невозможным решение этих конфликтов традиционными путями.

М. ван Кревельд и другие военные специалисты считают, что регулярные вооруженные силы часто просто «бессильны» в современных вооруженных конфликтах. Они не способны вести эффективную и успешную борьбу с иррегулярными формированиями. Майор американской морской пехоты К. Френч, анализируя взгляды своего учителя Мартина ван Кревельда, пишет: «Мы должны признать возможность того, что наши вооруженные силы и стратегические концепции адекватно не обеспечивают нашу безопасность в свете новой сущности войны. Только отказавшись от

³ Creveld van, M. The Fate of the State// Parameters. Spring 1996.

⁴ Carver, Michael. War Since 1945. New York, 1981.

⁵ French, K.M., US Marine Corps Major. Clausewitz vs. the Scholar: Martin Van Creveld's Expanded Theory of War, Quantico, 1992.

⁶ Laffin, John. The World in Conflict 1991. Oxford: Brassey's, 1991.

⁷ The Defense Monitor. Center for Defense Information. January 2002.

ведения войны по старым правилам, мы можем обеспечить оборону нашей страны в будущих войнах, которые скорее всего будут представлять собой нечто такое, чего Клаузевиц даже не представлял»⁸.

Что делать в создавшейся обстановке?

Ван Кревельд в своей книге призывает изучать историю средних веков. Именно в той эпохе, эпохе феодальных войн и наемничества, следует заимствовать принципы организации военной силы и способы ведения вооруженной борьбы. Этот опыт, по мнению ван Кревельда, должен быть взят за основу при реформировании вооруженных сил США в настоящее время. Он пишет: «Вооруженный конфликт будет вестись людьми на земле, а не роботами в космосе. Он будет иметь больше общего со столкновениями примитивных племен, а не с крупномасштабной обычной войной». По сути, ван Кревельд в своем анализе делал вывод о «ре-примитивизации» человека, человеческого общества и вооруженного конфликта в обществе.

«Новые войны» Мэри Калдор

Одним из самых авторитетных специалистов в области изучения современных войн и вооруженных конфликтов на Западе считается Мэри Калдор – директор программы «Глобальное гражданское общество» Лондонской школы экономики. Ее перу принадлежат такие серьезные исследования, как «Новые войны»⁹ (1997), «Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху»¹⁰ (1999). Будучи социологом и политологом, а не «чистым» военным специалистом, Мэри Калдор подходит к анализу сущности и содержания современных войн с позиций обществоведа. Война, пользуясь формулой Клаузевица, есть продолжение политики, и, по ее мнению, эта формула сохраняет свою значимость. Концептуальные подходы М. Калдор к сущности и особенностям современных войн основываются на конкретном практическом материале, лично собранном ею, в частности, в Боснии и Герцеговине.

Вопреки распространенному мнению, что все войны 90-х годов XX века являлись по своей сути «гражданскими войнами», вызванными «этническими конфликтами», а мы просто являемся свидетелями «приватизации насилия», М. Калдор настаивает на политической сущности всех конфликтов той эпохи. В Боснии и других конфликтогенных регионах в войне принимали участие государство и разнообразные «частные» силы, а так называемая «политика идентификации» (национальной, политической или иной) являлась только «средством, которое использовалось политическими элитами для утверждения своей власти»¹¹.

⁸ French, K.M., US Marine Corps Major. Clausewitz vs. the Scholar: Martin Van Creveld's Expanded Theory of War, Quantico, 1992.

⁹ Mary Kaldor and Basker Vashee, eds, New Wars, London: Pinter, 1997

¹⁰ Mary Kaldor, New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era, Cambridge: Polity, 1999

¹¹ Martin Shaw. The contemporary mode of warfare? Mary Kaldor's theory of new wars// Review of International Political Economy, January 2000

По мнению М. Калдор, в конце XX века появился целый ряд новых «военных субъектов»: разлагающиеся остатки государственных вооруженных сил, полувоенные формирования (обычно финансируемые правительством), части самообороны, наемники и международные контингенты войск. В одной из своих работ автор утверждает: «Типичным новым феноменом сегодня являются вооруженные сети негосударственных и государственных игроков. К ним относятся: полувоенные группы, организованные вокруг харизматического лидера; военные бароны, контролирующие определенные районы; террористические ячейки, фанатики-добровольцы подобные моджахетдинам; организованные криминальные группы, части регулярных вооруженных сил и других силовых ведомств, а также наемники и частные военные (охранные) компании»¹².

Военные действия приобретают новые формы насилия – такие как систематические убийства «других» («не своих»), насильственные выселения населения в места, непригодные для проживания (это получило название «этнических чисток»). Все эти формы насилия являются по своей сути геноцидом. Сама война все более явственно становится геноцидом – массовым уничтожением населения. По оценкам ученых, 80% жертв современных войн – гражданское население, в то время как 80% жертв войн начала XX века были военнотружущими.

Однако новые формы ведения войны – это, прежде всего, политическая, а не военная угроза. Рушится легитимность региона, что требует вмешательства «космополитических политических сил» в зону конфликта. Как отмечает автор, космополитизм в этом смысле предполагает «совокупность принципов и концепций, увязанных с торжеством закона». «Космополитическими политическими силами» являются как представители национальной политической элиты, отстаивающие принципы гуманизма и гражданской свободы вопреки политике идентификации, так и представители Запада. Целью этих «космополитов» будет не посредническая миссия между воюющими этно-националистическими силами, а создание системы демократического плюрализма.

По утверждению М. Калдор, в современную эпоху требуется переосмысление той роли, которую Запад играет в зонах конфликтов. Вопрос не стоит в рамках «вмешательство – невмешательство» (гуманитарного или какого-либо иного). В эпоху глобализации бессмысленно рассуждать в категориях «внутри» и «снаружи». Другими словами, понятие «вмешательство во внутренние дела» уже «не работает», требуется переосмысление традиционных общепринятых норм и правил поведения государств на международной арене. В связи с этим, по мнению автора, встает вопрос не о миротворчестве, а о проведении «космополитической полицейской операции», о восстановлении политической легитимности и

¹² Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

экономическом восстановлении, а не о гуманитарной помощи, какой бы необходимой она бы ни была.

Мария Калдор формулирует три характерных черты феномена «новых войн».

Первой и главной их характеристикой является то, что все они имеют политический характер, даже те из них, которые ведутся структурами организованной преступности или которые представляют собой массовое нарушение прав человека (насилие против гражданского населения). Внутренние связи в современном обществе и его структурах достаточно слабы, поэтому «важнейшим связующим механизмом», по словам М. Калдор, является единство исторического прошлого, основанного на этнической или религиозной идентичности.

В условиях современного глобализованного общества важную роль в деле мобилизации населения на активные действия принадлежит электронным средствам массовой информации – прежде всего телевидению и радио. Мэри Калдор предупреждает, что эффект их воздействия на население, особенно в сельской местности, нельзя недооценивать. В отличие от «опосредованного воздействия» печатных средств информации и пропаганды, радио и телевидение воздействуют на сознание напрямую. Радио и телевидение находятся обычно под государственным контролем, однако негосударственные силы и структуры могут прибегать к аналогичным средствам в форме спутникового теле- и радиовещания, распространения видеокассет, радиовещания из районов страны, находящихся под контролем оппозиции.

Второй важнейшей характеристикой «новых войн» является то, что сама война является формой политической мобилизации населения. Целью «старых войн» между государствами было, говоря словами Клаузевица, «подчинить противника своей воле». Это достигалось военными средствами, мобилизацией экономики и населения на ведение войны. В «новых войнах» целью является мобилизация населения, главные усилия направляются не столько на насилие, сколько на «расширение сети экстремизма». Общая стратегия состоит в «установлении контроля над территорией политическими средствами, а военные средства используются для того, чтобы уничтожить, выслать или заставить замолкнуть тех, кто может помешать этому»¹³. Не случайно, поэтому, воюющие стороны применяют террор, этнические чистки или геноцид в качестве своей преднамеренной военной стратегии. В «новых войнах» сражения и бои являются редкостью, а насилие направлено против гражданского населения. Нарушения норм гуманности и прав человека являются не побочными эффектами войны, а ее центральным стержнем. Более 90% жертв «новых войн» - это гражданское население, а количество беженцев и перемещенных лиц из года в год растет.

Политическая стратегия участвующих в «новых войнах» сторон, как пишет М. Калдор, состоит в том, чтобы добиться политической власти, сея

¹³ Mary Kaldor. *Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control*// Social Science Research Council, 2001.

страх и ненависть, создавая атмосферу террора, устраняя голоса умеренных и уничтожая терпимость. Насилие в самой грубой форме становится вседвлюющим. Мэри Калдор приводит слова анонимного боснийца: «Война должна была стать такой кровавой, потому что раньше мы не испытывали ненависти друг к другу и мы должны были научиться ненавидеть друг друга».

Третья характеристика «новых войн», в системе М. Калдор, состоит в типе экономики, формируемой этими войнами. Новые формы насилия становятся универсальными для всего мира благодаря «крайним формам глобализации» - мировым процессам, сопровождающимся крахом национальных экономик и неспособностью правительств поддерживать национальные вооруженные силы. Новая «политическая экономия войны», по терминологии Мэри Калдор, в корне отличается от старой, классической модели, когда государство в условиях тотальной войны мобилизовывало свою экономику на увеличение производства. Нынешняя «глобализованная» военная экономика является «демобилизующей и паразитической». В государствах рушится система налогообложения, новое богатство фактически не создается, разрушена инфраструктура и торговля. Все это создает атмосферу обеспокоенности, препятствует инвестициям, способствует развитию «альтернативных» форм капиталовложения и финансирования. Деньги «добываются» грабежами и разграблениями, незаконной торговлей наркотиками, сигаретами или алкоголем, нелегальной иммиграцией, обложением «налогами» гуманитарной помощи или благодаря поддержке из-за рубежа. Все эти виды экономической деятельности, по словам автора, является «хищническими». Таким образом, «новые войны» являются важнейшим источником глобализованной неформальной экономики – транснациональной криминальной и полукриминальной экономики, представляющей собой обратную сторону глобализации. Страдает экономика не только непосредственно района военных действий, но и соседних регионов: растут потоки беженцев, торжествует политика национальной идентификации, процветает незаконная торговля. Создается феномен «плохого соседства», когда целые регионы мира становятся неприемлемыми для нормального функционирования экономики и социальной стабильности (Балканы, Кавказ, Африканский Рог, Центральная Африка, Западная Африка, Центральная Азия, Ближний Восток).

В результате, «новые войны» очень трудно вести и крайне трудно завершить. Они распространяются посредством беженцев и перемещенных лиц, посредством криминальных сетей и посредством вируса экстремизма, который они же распространяют. В «новых войнах» нет четких побед или поражений, так как стороны существуют политически и экономически благодаря постоянному насилию. Войны подтачивают механизм государства, подрывают остатки производственной базы, разрушают систему внутригосударственной безопасности и поощряют разгул преступности.

В целом ряде регионов планеты, где насилие глубоко укоренилось в обществе и сознании людей, создана целая «культура насилия». Ее

примерами стали культура джихада в религиозных школах Пакистана и Афганистана. Детей приучают к мысли самопожертвования, а убийство возводится в ранг жертвоприношения.

Будучи представителем западноевропейской школы политологии, Мэри Калдор настроена достаточно критически к военной политике Вашингтона. В условиях войн новой эпохи, по ее мнению, американская приверженность развитию воздушной мощи не может не вызывать вопросов. Любого эксперта, как говорит М. Калдор, поражает неуместность проведения ковровых бомбардировок в качестве ответа на такие угрозы, как этнические чистки или терроризм, равно как и игнорирование со стороны США роли инспекторов ООН. Претензии Вашингтона на мировое лидерство слишком очевидны, чтобы не быть замеченными даже на Западе.

В своих работах Мэри Калдор вводит термин «новый американский милитаризм». «Если бы теракт 11 сентября не имел места, - пишет она, - то американский военно-промышленный комплекс должен был бы его выдумать»¹⁴. С крахом Советского Союза перед Вашингтоном встала задача найти приемлемые доводы и обоснования своим военным программам, и международный терроризм «помог» в этом. «Асимметричные угрозы» были объявлены главными угрозами безопасности США.

Наряду с «новым американским милитаризмом» Мэри Калдор формулирует понятие «нео-современного милитаризма», под которым она понимает эволюцию классических вооруженных сил крупных переходных государств – России, Индии и Китая. В како-то степени к этой категории, по мнению автора, можно отнести Израиль. Эти страны проходят трансформацию от централизованной экономики к более открытой рыночно-ориентированной системе. «Они не так сильны, чтобы создавать угрозу США, - отмечает М. Калдор, - однако тяготеют к принятию экстремальных идеологий, напоминающих идеологию «новых войн» - в частности русский или индуистский шовинизм»¹⁵.

С «нео-современным милитаризмом» ассоциируются ограниченные внутригосударственные или противоповстанческие войны. Эти государства придерживаются классической модели войны по Клаузевицу и прибегают к противоповстанческой борьбе для разгрома экстремистских сетей в Чечне или Кашмире. Эти государства, в отличие от США, готовы к риску больших потерь, а в случае с Чечней – даже к чрезвычайно большим потерям.

«Государства, находящиеся в состоянии нео-современного милитаризма, - делает вывод М. Калдор, - находятся по-прежнему в иллюзии, что они могут достичь военной победы. Последствия этого состоят или в самоограничениях, как это имеет место во внутригосударственных конфликтах, или в обострении «новых войн», как это имеет место в Кашмире, Чечне или Палестине, где противоповстанческие действия приводят лишь к политической поляризации состояния страха и ненависти.

¹⁴ Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

¹⁵ Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

Другими словами, использование военной силы, возможность «подчинить противника своей воле» - вопросы, остающиеся до сих пор открытыми»¹⁶.

Возможно ли контролировать «новые войны», и если – да, то как? Задаваясь этим вопросом, Мэри Калдор приходит к выводу: в современную эпоху только гуманитарный подход дает шанс на выживание. Заведомо понимая утопичность своей позиции, автор все же настаивает, что это – единственный путь: «Мы находимся, я боюсь, на краю глобальной новой войны, подобной войнам на Балканах или израильско-палестинскому конфликту, которая будет иметь глобальный масштаб и в которой не будет посторонних, кто бы мог ее ограничить. Рано или поздно невозможность достижения победы в такой войне должна стать очевидной и именно поэтому мы должны поддерживать гуманитарный подход. Даже если этот подход не может разрешить эти конфликты, он может дать хоть какую-то надежду тем, кто в них втянут».

Война четвертого поколения: рождение концепции

В октябре 1989 года в специализированном печатном органе «Газета морской пехоты» была опубликована статья «Изменяющееся лицо войны: на пути к новому поколению войны»¹⁷. Авторами статьи были У. Линд, полковник армии США К. Найтингэйл, капитан морской пехоты Дж. Шмитт, полковник армии США Дж. Саттон и подполковник морской пехоты (в резерве) Г. Уилсон. Эта статья знаменовала собой появление нового термина – «война четвертого поколения» - «4GW».¹⁸

Авторы пишут, что главной задачей вооруженных сил в мирное время является наиболее эффективная подготовка к новой войне. Однако для того, чтобы добиться этого, необходимо понимать, какова будет следующая война. В этом то и состоит самая большая сложность.

Авторы схематично проанализировали военную историю мировой цивилизации с 1648 года, когда Договор в Вестфалии положил конец религиозным войнам и на арену мировой политики вышли государства-актеры. По их мнению, первое поколение войн составили классические войны между государствами, достигшие своей кульминации в эпоху наполеоновских войн. Ко второму поколению войн они отнесли войны на истощение индустриальной эпохи (от гражданской войны в США до первой мировой войны). Третьим поколением войн стала маневренная война, основанная на тактике просачивания, блицкриге и других принципах, появившихся после первой мировой войны.

В результате, как считают авторы из «Газеты морской пехоты», предыдущие 70 лет представляют собой эпоху, которая характеризуется ведением войн третьего поколения.

¹⁶ Mary Kaldor. *Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control*// Social Science Research Council, 2001.

¹⁷ William S. Lind, Colonel Keith Nightengale (USA), Captain John F. Schmitt (USMC), Colonel Joseph W. Sutton (USA), and Lieutenant Colonel Gary I. Wilson (USMCR) *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation*// Marine Corps Gazette. October 1989. P. 22-26.

¹⁸ Аббревиатура «4GW» расшифровывается как «The 4th Generation Warfare», что в переводе на русский язык и означает «Война четвертого поколения».

А если это так, то тогда в полный рост встает «центральный вопрос» - не пришло ли уже время для появления новой войны – войны четвертого поколения. «Тот, кто первым признает, поймет и внедрит в жизнь суть перехода к новому поколению войны, - считают американские военные специалисты, - получит решающее преимущество. И наоборот, та нация, которая будет медлительна к адаптации к условиям войны нового поколения, обрекает себя на катастрофическое поражение».

Что же такое война четвертого поколения?

Авторы в своей статье не дали целостную систематизированную концепцию войны четвертого поколения, однако некоторые наиболее важные черты ее они сформулировали достаточно четко.

Военная составляющая войны четвертого поколения. Поле боя для войны четвертого поколения – все общество противника целиком.

Понятие стратегического тыла как такового перестает существовать.

Новую войну будут вести небольшие подразделения и даже группы комбатантов.

Зависимость боевых подразделений от тылового обеспечения будет крайне незначительной. Комбатантам придется вести военные действия, полагаясь, в основном, на свои силы и подручные ресурсы.

Резко возрастет значимость маневренности.

Массирование живой силы и огня утратит свое значение и даже, более того, может стать недостатком. Концентрация живой силы в одном месте создаст отличную цель для поражения противником.

Целью войны станет «сокращение противника внутренне», а не физическое уничтожение его. Военные усилия будут направлены на такие цели, как подрыв морального духа населения противника и разрушение его культурной среды обитания. При этом чрезвычайно важным станет правильное определение «стратегических центров тяжести» противника.

По сути дела, приходят к выводу американские авторы, различие между войной и миром будет расплывчатым, если вообще будет. Исчезнут различия между понятиями «военные» и «гражданские». Важные военные объекты, как то аэродромы, узлы связи, штабы, равно как и их «гражданские» аналоги – правительственные сооружения, заводы, промышленные объекты – станут редкими явлениями ввиду их уязвимости.

Технологическая составляющая войны четвертого поколения.

Важным аспектом войны четвертого поколения явится развитие новых технологий. По мнению авторов статьи в «Газете морской пехоты», «технологически возможно, чтобы несколько солдат обладали той же боевой эффективностью, что и современная бригада».

Робототехника, аппараты дистанционного управления, новые средства связи и искусственный интеллект могут коренным образом изменить тактику ведения военных действий. В то же время, новая технология несет с собой и недостатки – появляются новые уязвимые места, которые ранее отсутствовали.

Военные действия будущего будут представлять собой действия небольших групп высокопрофессиональных солдат, оснащенных самыми современными техническими средствами. Продвигаясь в поисках ключевых по важности целей, они могут покрывать огромные расстояния. Целями для таких групп будут скорее объекты гражданского сектора, чем военного.

Понятия фронта и тыла в войне будущего будут отсутствовать. Им на смену придут понятия «объект-цель» и «объект-не цель». Естественно, что эти изменения затронут всю организационно-штатную структуру видов и родов войск вооруженных сил. Боевые части будут обладать разведывательными и ударными функциями. Понятие тактики и стратегии смешается по мере того, как боевыми целями станут объекты политической инфраструктуры и всего общества противника в целом. Понятие наступления и обороны также станут рудиментными. Обороной будет являться наиболее эффективное сохранение частью своих боевых возможностей.

Одной из самых сложных задач для командиров всех степеней станет выбор целей на условном поле боя, при этом основными критериями будет политическая и культурная значимость целей, а не их сугубо военное значение.

Огромной трудностью для действий командиров станут информационные перегрузки, которые будут затруднять оперативное и стратегическое целеполагание.

В условиях войны четвертого поколения психологические операции приобретут доминирующее значение на оперативном и стратегическом уровнях. Главной целью этих операций будет гражданское население, поддерживающее свое правительство в войне. «Телевизионные новости, - подчеркивают авторы статьи, - могут стать более мощным оружием, чем бронетанковые дивизии».

Война четвертого поколения в эпоху высоких технологий несет с собой семена ядерного разрушения. Сторона, оснащенная ядерным оружием, может оказаться в ситуации, когда она будет неспособна вести обычные военные действия. Более того, разрушение или нарушение промышленного потенциала, политической инфраструктуры и социальной структуры общества на каком-то этапе могут привести к эскалации конфликта и перерастанию его в ядерный.

Идеологическая составляющая войны четвертого поколения.

По мнению авторов статьи в «Газете морской пехоты», при анализе войн четвертого поколения необходимо четко понимать ее возможные идеологические и политические корни. В прошлые эпохи сила Запада заключалась в более современных технологиях, что на протяжении многих веков обеспечивало доминирование Запада в мире. Теперь же, как пишут американские авторы, «Запад более не доминирует в мире». Война четвертого поколения может родиться в рамках не-Западной культурной традиции, в частности – в исламе или азиатских традициях. Тот факт, что некоторые не-Западные регионы, такие как исламский мир, не столь сильны

в технологиях, может подвигнуть их развить сущность войн четвертого поколения через посредство идеологии, а не технологии.

Формой такой войны четвертого поколения, возникшей на основе идеологии, является терроризм. Сам по себе терроризм, как отмечают американские специалисты, не является войной четвертого поколения, однако некоторые его элементы и проявления сегодня несут черты будущих войн. К числу таких черт относятся широкое определение «поле боя» - всего общества в целом; маневренность; действия в малых группах; удары по критическим объектам-целям и т.д. «Сейчас, - пишут авторы статьи, - США тратят по 500 млн. долларов за каждый бомбардировщик «Стэлт». «Стэлтом» для террористов является автомобиль с бомбой в багажнике – обычный автомобиль, как и все остальные».

Октябрьская 1989 года статья в специализированном военном издании вооруженных сил США произвела эффект разорвавшейся бомбы. Она была с восторгом воспринята военно-научной общественностью США. Взгляды авторов впоследствии были развиты и дополнены их коллегами. По сути дела, октябрьская 1989 года статья в «Газете морской пехоты» стала своеобразным манифестом целого направления американской военно-теоретической школы, сосредоточившей свое внимание на сущности войн новой эпохи.

4GW: развитие концепции

Как ни странно, термин «война четвертого поколения» «прижился», хотя и неофициально, только в морской пехоте США. Военные специалисты сухопутных войск и ВВС в рамках специальных программ, нацеленных на исследование форм и способов ведения военных действий в будущем, вводят иные термины: нетрадиционная война, асимметричная война, «неформальная» война, малая война, война «серой зоны» и др. И все же, несмотря на различную терминологию, практически все американские военные специалисты едины в том, что уже сейчас вооруженным силам США и в целом всему американскому обществу приходится сталкиваться с совершенно новыми угрозами и вызовами, которые не могут быть отражены привычными формами и методами.

Террористические атаки против зданий Пентагона в Вашингтоне и Мирового торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года явились устрашающими примерами того, как принципы войны четвертого поколения претворяются в жизнь.

Как и предсказывали авторы в известной статье в «Газете морской пехоты» еще в 1989 году, «граница между понятиями войны и мира исчезает», равно как «различие между военными и гражданскими может исчезнуть в будущем».

Американские военные теоретики, рассуждая о корнях и причинах будущих войн четвертого поколения, приходят к выводу, что «сейчас, когда мир вступает в XXI век, такие формы крайне необычного и непредсказуемого конфликта становятся для многих противников единственным способом

противостоять вооруженным силам США». В связи с этим ими прогнозируется, что война четвертого поколения, являющаяся по сути «асимметричным» конфликтом, доведенным до крайности, будет именно тем, с чем американским военным придется столкнуться в будущем.

Свои определения понятию «война четвертого поколения» дают многие военные специалисты. Полковник ВВС США в отставке Честер Ричардс образно сформулировал понятие войны четвертого поколения: «Грубо говоря, война четвертого поколения включает в себя все формы конфликтов, когда оппонент отказывается вставать и сражаться честно. Она отличается от войн предыдущих поколений тем, что, по крайней мере, одна из сторон является чем-то иным, нежели военной силой, организованной и действующей под контролем национального правительства». Ч. Ричардс охарактеризовал войну четвертого поколения как «любые способы борьбы с вооруженными силами США, кроме противостояния им непосредственно в боевых столкновениях»¹⁹.

Другим апологетом теории 4GW стал подполковник корпуса морской пехоты Томас Хэймс. В сентябре 1994 года в «Газете морской пехоты» США была опубликована его статья «Эволюция войны: четвертое поколение»²⁰.

Явной заслугой автора можно считать его утверждение, что война четвертого поколения формируется в результате воздействия многих факторов, прежде всего политических, экономических и социальных изменений в обществе. Изменения в сфере технологии, безусловно, важны, однако играют в этом смысле далеко не ведущую роль.

По утверждению Т. Хэймса, «война четвертого поколения уже пришла». «В стратегическом смысле, она направлена на изменение сознания политического руководства противника, – утверждает автор. – Это изменение не может быть достигнуто в результате традиционного метода обеспечения превосходства на поле боя. Скорее оно достигается в результате превосходства в использовании всех сетей (взаимосвязей), присущих обществу в информационную эпоху.

В тактическом отношении, война четвертого поколения будет характеризоваться следующими положениями:

- сложная ситуация конфликта низкой интенсивности;
- использование тактики войн предыдущих поколений;
- будет вестись во всем спектре политических, социальных, экономических и военных сетей (взаимосвязей);
- будет вестись во всемирном масштабе через границы всех сетей (взаимосвязей);
- будет иметь национальных, международных, транснациональных и субнациональных «актеров».

Огромные трудности, по мнению Т. Хэймса, встают перед системой военного образования и подготовки, особенно офицерского корпуса будущих

¹⁹ Defense and National Interest site: <http://www.d-n-i.net>.

²⁰ Marine Corps Gazette, September 1994.

вооруженных сил США. В частности, будущие офицеры должны быть подготовлены к действиям, типичным для войны четвертого поколения, таким как прямая конфронтация между войсками и невооруженными женщинами и детьми. Такая подготовка должна стать актуальной не только для офицерского корпуса вооруженных сил, но и для всех функционеров политических и государственных структур, органов безопасности, которые прямо или косвенно будут задействованы в решении аналогичных проблем.

Особую роль в войне четвертого поколения будет играть совершенная система разведки, призванная обеспечить военно-политическое руководство и вооруженные силы всей необходимой информацией.

Вместе с тем, как пишет Т. Хэймс, в будущем вовсе не все конфликты будут принимать форму войны четвертого поколения. Возможные конфликты будут принимать различные формы, которые будут, скорее, комбинацией характеристик войн всех четырех поколений. Именно поэтому для военно-политического руководства США крайне важным будет как можно ранее определить форму войны, в которую могут быть втянуты США, чтобы принять соответствующие меры подготовки.

В октябре 2001 года, буквально через месяц после сентябрьских трагических событий в США, два авторитетных военных специалиста министерства обороны США Хэролд Гоулд и Франклин Спинни опубликовали статью под броским заголовком «Война четвертого поколения уже здесь»²¹. Авторы начали свое изложение с яркой метафоры: «Изменяющая природа войны уже вошла в вашу жилую комнату. Террористические акты в отношении башен-близнецов и Пентагона свидетельствуют, что если террористы являются истинными верующими, стремящимися совершить акт самоубийства во имя своего дела, то скрыться от них уже негде. Объявив войну террористической сети Аль Кайеда – наднациональным глобальным феноменом – Америка и вся система наций-государств формально признали, что они вступили в новую эпоху».

Развивая эту мысль далее, Х. Гоулд и Ф. Спинни отмечают: «4GW является оружием слабых, угнетенных, криминальных сил и фанатиков. Ее корни лежат в теории партизанской войны, ленинской теории восстания и обычном терроризме... Она позволяет политически слабым обойти возможности государства защитить себя, используя обычные военные средства».

По утверждению авторов статьи, никакие традиционные меры по противодействию террористам не способны предотвратить акты террора со стороны тех, кто своей целью поставил их свершить: выделить террориста в толпе людей просто невозможно. Именно в этом смысле понятия войны и мира сливаются, грань между ними сливается, и уже невозможно уверенно сказать, живем ли мы в состоянии мира или новой формы войны – войны четвертого поколения.

²¹ Defense Week, October 15, 2001.

Моральные аспекты войны четвертого поколения

Концепция войны четвертого поколения, официально появившаяся на свет в октябре 1989 года в «Газете морской пехоты» США, вплоть до настоящего времени остается в фокусе внимания военных специалистов. В октябре 2003 года подполковник американской армии в отставке Грег Вилкоккс выступил со статьей, в которой остановился на моральных аспектах этого явления²². Обстановка в мире коренным образом изменилась после теракта против США 11 сентября 2001 года. Американское население, отмечает автор, наконец-то поняло, что «оно находится в состоянии войны, причем той войны, которую оно менее всего понимает».

Подполковник Вилкоккс считает, что современная революция в военном деле, о которой так много говорится в американских военно-теоретических публикациях, отражает лишь технологические аспекты войны будущего, но не позволяет США реагировать на те угрозы, с которыми им приходится сталкиваться в ходе нынешней глобальной войны с терроризмом. «Нынешняя война ведется автоматами АК-47 и гранатометами РПГ на коротких дистанциях, причем противник не носит военной униформы. Дистанционно управляемые мины и смертники со взрывчаткой так же, если не более, опасны для мирного населения, как и солдаты, - утверждает автор.

В чем заключаются отличия войны четвертого поколения от таких достаточно изученных явлений, как «партизанская война», «конфликт низкой интенсивности» или «иррегулярная война»? Анализируя эти явления, Вилкоккс приводит некоторые характерные отличительные черты 4GW:

- глобальный, а не региональный характер угрозы;
- аморфные ячеистые структуры, состоящие из самогенерирующихся групп действия;
- сильные религиозные, моральные и/или этнические убеждения групп действия;
- легко уязвимые открытые общества с еще более уязвимыми экономическими целями-объектами;
- государственная поддержка или поддержка со стороны террористических сил (финансирование, инфраструктура, убежища);
- широкое использование группами действия возможностей СМИ для воздействия на общественное мнение и привлечение новых сторонников;
- террор в арсенале средств;
- доступ к самым современным системам вооружений, имеющимся на мировом рынке.

В целом, как считает подполковник Вилкоккс, война четвертого поколения по своей форме имеет много общего с амебой: «Она аморфна, легко приспосабливается и так же легко трансформируется. Сегодня это может быть террористическая группа, а завтра – партизанский отряд. Аль-Каеда, например, стремится добавить к своим возможностям химические,

²² Wilcox, Greg. Fourth Generation Warfare and the Moral Imperative. 2 October 2003.

биологические и ядерные возможности. Кое-кто из нас может быть доживет до того момента, когда это станет реальностью. И тогда войны четвертого поколения будут способны действовать в комфортных для западных армий рамках обычной войны, но их целями будут вовсе не эти армии. Целями будут гражданское население, инфраструктура, политические и социальные системы и вообще все слабые места».

Целью действий война войны четвертого поколения, как подчеркивает американский эксперт, является нанесение противнику как можно более ощутимого ущерба в живой силе и материальных средствах, чтобы деморализовать его, лишить его уверенности в победе.

Что можно противопоставить силам, которые ведут войну четвертого поколения? Американские вооруженные силы, по словам Вилкокса, слишком много своих надежд возлагают на технику и технологию. Самое современное вооружение дает американским солдатам ощущение своей непобедимости. Однако в борьбе с «аморфным» противником истребитель или атомная подводная лодка неадекватны, они просто не нужны.

Роль и место сухопутных войск, которые в прошлом часто принижались в США, теперь неизмеримо возрастают. Как считает автор, для Соединенных Штатов принципиально важным сегодня становится дислоцирование во всех уголках земного шара для быстрого реагирования на возможные акции войны четвертого поколения непосредственно там, где живут лица, их осуществляющие. Это неизбежно требует коренного пересмотра приоритетов военно-политического планирования США.

Уже сейчас структура сухопутных войск США в корне не соответствует угрозам и вызовам современности. Из десяти армейских дивизий шесть – тяжелые и только четыре – легкие. Операция в Ираке показала, что танкисты и артиллеристы вынуждены были вести обычные бои как простые пехотинцы, хотя не имели на то соответствующей подготовки и практики. Вилкокс сравнил сложившееся положение с Гулливером, которого связали лилипуты.

Наиболее подготовленными силами к ведению войны с противником в условиях войны четвертого поколения обладают войска сил специальных операций. Спецназ способен вести эффективные действия в том числе и против террористов. Однако проблема заключается в том, отмечает подполковник Вилкокс, что спецназом командуют общевойсковые генералы, которые более полагаются на традиционные подходы к выполнению своих обязанностей и недооценивают роль и значение сил специальных операций. Поэтому часто эффективность действий этих сил в разных регионах мира оказывается недостаточной.

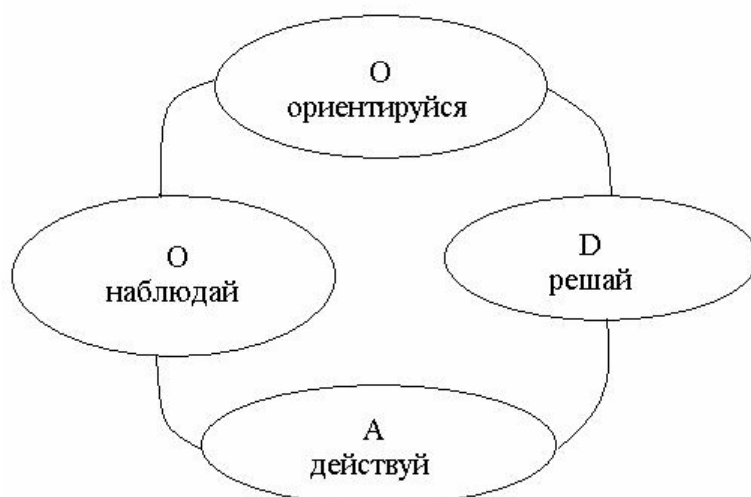
Другим аспектом, свидетельствующим о неподготовленности вооруженных сил США к действиям в условиях войны четвертого поколения, является традиционное военное мышление. В военно-учебных заведениях США изучаются три типа войн: ядерная (конфликт высокой интенсивности); обычная (конфликт средней интенсивности) и операции отличные от войн (конфликт низкой интенсивности). Военные действия во

всех этих войнах и конфликтах ведутся в устоявшейся системе координат – есть противник, линия фронта и тыл. «Поле боя для современного воина войны четвертого поколения, - отмечает Г. Вилкоккс, - аморфно и изменчиво; он легко переходит от убийства к применению оружия массового поражения, действиям по принципу «ударил-беги», использованию машин, начиненных взрывчаткой. 4GW является войной высокой интенсивности, потому что она затрагивает всех и каждого».

В конечном счете американский эксперт делает вывод: «4GW уже наступила, так как наши противники научились бороться с регулярными вооруженными силами, предназначенными для ведения войн второго и третьего поколений, но совершенно не приспособленными к борьбе с противником войны четвертого поколения. Мы можем рассчитывать на то, что этот тип войны нам придется вести еще многие годы. Все наши новые боевые машины STRYKER и истребители F-22 мало помогут в достижении победы в этой войне. Мы должны достичь победы в самом «сердце» войны четвертого поколения – в моральной войне, а это потребует много большего, чем только солдат».

«Петля OODA» в условиях 4GW

В качестве модели действий в условиях войны четвертого поколения Г. Вилкоккс предлагает схему полковника ВВС США Джона Бойда²³, которая получила название «петля OODA». Расшифровка этой аббревиатуры простая: O – observe (наблюдай); O – orient (ориентируйся); D – decide (решай); A – act (действуй). Эта схема, изначально предназначенная для подготовки летчиков-истребителей к воздушным боям, была перенесена Дж. Бойдом на более высокий теоретический уровень.

²³ Полковник Джон Бойд был боевым летчиком в годы войны в Корее. Впоследствии он длительное время служил и работал в Пентагоне и стал одним из авторитетных военных теоретиков США. Многими авторами он считается «теоретическим гением в искусстве войны», «американским Сунь Цзы». Имя Дж. Бойда широко известно в связи с предложенным им новаторским подходом к сущности конфликта. Его подходы были успешно экстраполированы на теорию менеджмента в бизнесе и политике.

В свою очередь, Вилкокс, наложив схему Бойда на войну четвертого поколения, пришел к выводу, что главным в этой четырехэтапной модели является второй этап – ориентация.

Война против терроризма является прежде всего войной идей. Именно поэтому на этапе ориентации так важно обладать наиболее полной и адекватной информацией о противнике – о его культуре и традициях, образовании и воспитании, взаимоотношениях и намерениях. «В нынешней войне фактор ориентации является ключевым к достижению успеха. Оппонент, который понимает своего врага лучше, имеет преимущества в войне идей. Хо Ши Мин понимал Америку лучше, чем мы понимали его, - признает Вилкокс. - Если верить тому, что нам рассказывают, Осама бен Ладен понимает нас намного лучше, чем мы понимаем его».

В войне идей все силы должны быть направлены на поражение противника, несмотря на все его преимущества, которые должны быть искусно обращены против него самого. Третий и четвертый этапы схемы Бойда – решение и действие – в условиях войны четвертого поколения должны быть максимально неожиданными. Именно так поступили США, нанеся ответный удар по террористам в местах их жительства. Этого террористы никак не ожидали, предполагая лишь ограниченные ответные меры со стороны Америки.

В то же время, приходит к выводу подполковник Вилкокс, плохо подготовленная операция в Ираке может оказаться «другим неожиданным шагом с нашей стороны», который уже будет играть на руку противнику.

Аль-Каеда в своей деятельности делает упор не на физические аспекты борьбы, а на ментальные, прежде всего на психологические операции и дезинформацию. Но еще более серьезное внимание, по мнению автора, террористическая сеть Аль-Каеда уделяет моральным аспектам борьбы. В войне четвертого поколения, которую ведет Аль-Каеда асимметрия очевидна. Много, что является моральным для Аль-Каеды, для США – аморально, и наоборот. Как пишет Вилкокс, для террористов, действующих в соответствии с нормами исламских фанатиков, было нормальным перерезать горло журналисту Дэниэлу Перлу перед камерой и послать эту видеопленку в телекомпанию «Аль Джазира». Однако для американцев является ненормальным использовать пытки в качестве средства получения информации от пленных террористов Аль-Каеды. Для них важным является быть выше противника в моральном отношении.

Подполковник Вилкокс, анализируя эти проблемы, приходит к выводу: «В то же время, многие американские свободы, которые являются естественными и очевидными, затрагивают религиозные чувства многих мусульман. Их оскорбляет даже стиль западной одежды. Но разве является это достаточным основанием для убийства американцев? Многим американцам трудно поверить, но это разрешается и даже требуется сделать в соответствии с жесткой интерпретацией ваххабизма, который рассматривает такой акт в качестве легитимной защиты ислама,

находящегося под моральным ударом Запада. Возможно, именно эта нетерпимость лежит в основании их стремления убивать американцев».

В соответствии с американскими убеждениями и принципами, в борьбе с терроризмом недопустимы пытки и ответный террор. Будучи цивилизованным государством, как пишет американский эксперт, Соединенные Штаты никогда не смогут претендовать на то, чтобы стать «воином 4GW». Однако для США необходимо научиться бороться со старыми террористами в новых условиях, именуемых войной четвертого поколения, сохранив при этом высокий морально-нравственный уровень.

В борьбе с терроризмом абсолютно важным, по мнению Г. Вилкокса, является моральное превосходство над противником. Он пишет: «Если мы хотим разгромить противника в нынешней войне против терроризма, мы должны сосредоточиться на ее моральной сущности – на правоте нашего дела. Мы должны убедить несколько «аудиторий» в нашей моральной правоте и добиться их сочувствия нашему курсу». Под «аудиториями», которые прямо или косвенно участвуют в войне четвертого поколения, автор понимает: свои силы, свое население, силы союзников, мировое общественное мнение, силы противника, руководство противника, население противника. В борьбе с терроризмом крайне важна поддержка первых четырех «аудиторий».

Пока свои силы - американские солдаты - не убеждены в полной правоте своего дела, вряд ли можно достичь победы в моральной войне, особенно в моральной войне четвертого поколения. В моральной правоте американского курса должно быть убеждено и население страны. Однако любые «проколы» в этом смысле чреваты потерей морального превосходства над противником.

В связи с этим Г. Вилкоккс пишет: «Пока война против терроризма пользуется широкой поддержкой общественного мнения, однако неудачи с поисками оружия массового поражения в Ираке или связей между Саддамом и Аль-Каеда создали моральные уязвимые места, чем могут воспользоваться наши противники. Если моральная война будет проиграна в результате того, что между лидерами и народом или армией будет вбит клин, мы можем оказаться в ситуации нового кошмара, подобного Вьетнаму».

В заключение своего анализа объявленной в США войны против терроризма как формы войны четвертого поколения Г. Вилкоккс приходит к выводу о необходимости принятия соответствующих ответных мер. Прежде всего, по его словам, эта война не может вестись только регулярными войсками. Необходимы усилия экспертов разных специальностей, всех уровней и ведомств. Необходима «полная мобилизация Америки для ведения этой войны». В борьбе с террористами войска специального назначения должны как можно скорее полностью сменить регулярные сухопутные войска: в условиях постконфликтного урегулирования обычные войска могут не столько помочь, сколько навредить.

В борьбе с терроризмом необходимо особое внимание уделить разведке, прежде всего – HUMINT («человеческой разведке»), то есть агентурной.

Необходимо проникать в террористические сети противника, знать его планы и намерения, анализировать и предвидеть его возможные действия и акции.

Параллельно с этим в противодействии терроризму следует больше внимания уделять контрразведке. Распространение радикального ислама в самих США, по мнению Вилкокса, чревато проникновением террористов внутрь страны, где уже выросло свое поколение воинов войны четвертого поколения. В результате, как считает американский эксперт, нельзя сбрасывать со счетов угрозу разрушения американского государства изнутри.

В стиле Никиты

Своеобразным «сухопутным» аналогом концепции войны четвертого поколения, активно разрабатываемой специалистами морской пехоты США, стали теории так называемых «нетрадиционных» войн, под которыми в сухопутных войсках США понимаются столкновения регулярных вооруженных сил государства с иррегулярными формированиями, организациями, бандами, отрядами, не признающими никакие нормы и правила ведения военных действий.

Самая большая сложность при анализе этого типа войн заключается в том, что понятие противника «размывается», исчезает и без того тонкая грань между комбатантом и некомбатантом. Основными формами борьбы противника будут террористические акты, диверсии, провокации и т.д. Борьба с таким «неоформленным» противником в соответствии с классическими принципами военного искусства просто невозможно. Традиционные тяжелые средства поражения (артиллерия, танки, авиация и т.д.) зачастую просто бесполезны и не могут быть использованы в «нетрадиционных» войнах.

Одним из авторитетных идеологов «нетрадиционных» войн является Ральф Питерс, который в своих многочисленных публикациях затрагивает различные стороны и аспекты «нетрадиционных» войн будущего. В частности, он считает, что «будущие войны будут вестись в основном в городских условиях. Тенденция урбанизации населения Земли ведет к тому, что военные столкновения будут происходить именно в урбанизированной местности, на территории промышленных районов и объектов, в городских парках и на узких улицах городов, в небоскребах и жилых домах, в метро и подземных коммуникациях»²⁴.

По мнению американских специалистов, навязывание боя в городских условиях будет использоваться противником как фактор нейтрализации военно-технического превосходства США. Принципы и приемы ведения боевых действий в городских условиях отличаются от «нормальных». Противник будет ставить под угрозу жизнь мирного населения, провоцировать американские войска применить оружие против мирных граждан, деморализуя «цивилизованных» американских солдат. В связи с этим Р. Гленн из корпорации РЭНД задается вопросом: «Как реагировать,

²⁴ Peters, Ralph. Our Soldiers, Their Cities// Parameters. Spring 1996.

если противник стреляет из-за спины ребенка, укрываясь им как живым щитом?»

Одной из форм «нетрадиционных» войн является борьба с терроризмом. При этом вооруженные силы США рассматриваются и как объект террористической деятельности, и как субъект проведения контртеррористических и антитеррористических операций.

Одним из главных принципов ведения операций в ходе «нетрадиционных» войн является выявление и уничтожение руководства (главарей) иррегулярных формирований. Эта задача наиболее трудная и решается только при активном взаимодействии и сотрудничестве различных органов и специальных служб государства. Эта задача будет главной и в войнах будущего.

Ведение «нетрадиционных» войн в будущем, по мнению авторитетных специалистов, будет возлагаться на специальные организации, состоящие из двух подразделений – информационного (разведывательного) и боевого подразделения специального назначения. Эти организации и будут бороться с политическими, военными, духовными, криминальными лидерами и главарями противника. Сама эта борьба будет иметь «точечный» характер и напоминать скорее теракты против лидеров-главарей, а не крупномасштабные боевые действия с привлечением тяжелых средств поражения.

Главная роль отводится всестороннему информационному обеспечению операции. Информационное подразделение обеспечивает разведку, обнаружение объектов-целей, слежение за ними и наведение. Новейшие компьютерные и иные технологии должны обеспечить в будущем слежение за объектами-целями в реальном масштабе времени.

Боевое подразделение специального назначения на основе имеющейся информации обеспечивает физическое устранение (пленение, ликвидацию, временное выведение из строя) лидеров и главарей сил противника, ключевых объектов его инфраструктуры, систем управления, связи и контроля.

В каком-то смысле прообразом таких организаций, предназначенных для борьбы с «нетрадиционными» противниками, является Первый отдел из популярного американского фантастического телесериала «Ее звали Никита».

Неформальная война

Институт стратегических исследований Военного колледжа сухопутных войск США является одним из ведущих военно-научных центров современных Соединенных Штатов, специализирующихся на исследовании концепций революции в военном деле и ее влиянии на войны будущего. Весной 2000 года сотрудник Института профессор Стивен Мец опубликовал

серьезное исследование «Вооруженный конфликт в XXI столетии: информационная революция и пост-современная война»²⁵.

Анализируя существующие в США взгляды и концепции на будущие войны, С. Мец делает вывод, что военный конфликт «в начале XXI века, скорее всего, будет представлять собой комбинацию трех моделей войны: формальной, неформальной и войны серой зоны»²⁶.

Формальной войной считается столкновение вооруженных сил одного государства против вооруженных сил другого государства. По крайней мере еще несколько десятилетий XXI века такого рода войны будут главной стратегически важной формой вооруженного конфликта в мире. По официальным взглядам военно-политического руководства США, как утверждает С. Мец, «война XXI столетия будет зеркальным отражением войн XX века с применением новых технологий, которые позволят будущим генералам и солдатам совершать то, о чем в прошлом военные могли только мечтать». Вооруженные силы США наиболее подготовлены к ведению формальных войн, именно для этого вооруженные силы и создавались. В мире в настоящее время нет противника, который мог бы противостоять на равных военной мощи США. Возможные формальные вооруженные столкновения будущего, в связи с этим, будут асимметричными. Противник, не обладая технологическими возможностями военной машины США, будет искать ее наиболее уязвимые места, создавать невыгодные для американских войск условия, в надежде нейтрализовать американские преимущества. Примером такого асимметричного ответа противника, как считает С. Мец, может явиться бой в городской местности.

Неформальные войны представляют собой вооруженные конфликты. В которых по крайней одной из сторон является негосударственным образованием, подобным повстанческой армии или этнической милиции. По своей сути, это – развитие концепции конфликта низкой интенсивности, популярной в 80-е годы XX века. Стивен Мец характеризует это явление следующим образом: «Сегодня, как и в будущем, неформальная война будет подвержена влиянию целого ряда факторов: этничности, расы, регионализма, экономики, личности лидеров, идеологии. Амбициозные и бессовестные лидеры могут использовать этнические, расовые и религиозные факторы для того, чтобы добиться поддержки своего стремления к личной власти. Целями в неформальной войне могут выступать стремление к автономии, сепаратизм, стремление к полному контролю над государством, изменение политики, установление контроля над ресурсами или стремление к «справедливости» в том смысле, который вкладывается в это понятие использующей силу стороной»²⁷.

²⁵ Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000.

²⁶ Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000. P. 27.

²⁷ Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000. P. 48.

Природа неформальных войн, по мнению профессора С. Меца, заключена в тех социально-экономических и политических изменениях, которые происходят сегодня в мире. Устойчивой тенденцией мирового развития стало распространение культа силы и жестокости. Целые страны и регионы находятся под контролем абсолютно жестокой власти повстанцев и партизан. Более того, жестокость для целых поколений молодых людей стала нормой поведения и нормой жизни. По словам эксперта по проблемам беженцев Дэбби Стотхард, «это – люди, которые не имели доступа к хорошему образованию и для которых жестокость является стилем жизни... Им никогда и в голову не приходило, что осаждать госпиталь – неправильно. Они никогда не жили в мире, где задержание кого бы то ни было силой является неприемлемым. Они будто прибыли с другой планеты...».

В этих условиях, сопровождающихся дальнейшим ослаблением роли и эффективности государства, неформальные войны становятся широко распространенным явлением. В государствах третьего мира, где очень часто государственный механизм крайне слаб и неэффективен, существуют целые районы, которые просто не контролируются национальными правительствами. Легкий доступ к оружию на мировом рынке вооружений, особенно к легким и дешевым его видам (стрелковому оружию, минам и взрывным устройствам) «подпитывает» внутригосударственные и межгосударственные вооруженные конфликты, делая их все более кровавыми и непримиримыми.

Источники финансирования повстанцев и внутригосударственных оппозиционных сил могут быть различными – легальными и нелегальными. Среди них: грабежи, ограбления, воровство, контрабанда, торговля «живым товаром», торговля наркотиками, кибер-преступления. Финансирование обеспечивает повстанцам не только возможность закупки вооружений, но и позволяет им организовывать эффективную разведывательную службу и добиваться информационного превосходства. Это делает борьбу с повстанцами нового поколения достаточно сложной.

Неформальные войны становятся не только более распространенным явлением, но и все более значимым в стратегическом смысле. В условиях глобализации и информационной революции повстанцы и партизаны имеют возможность общаться друг с другом, учиться друг у друга и оказывать взаимную поддержку. Интернет предоставляет им для этого уникальные возможности. Так, например, только на сайте Техасского университета числится 44 электронных адреса мексиканского повстанческого движения Запатиста²⁸. Специалисты корпорации РЭНД, в связи с этим, употребляют даже термин «социальная сете-война».

Боевые действия в ходе неформальной войны, как считает С. Мец, будут скорее всего проявляться в форме ближнего боя. В большинстве случаев боевые действия будут вестись в городах или густо населенных сельских районах. Воины-боевики будут рассредоточены среди мирного населения,

²⁸ См. подробнее: <http://www.utexas.edu/students/nave/>

прикрываясь им как живым щитом. В некоторых случаях следует ожидать искусственного «замораживания» ситуаций, связанных с беженцами, для привлечения внимания международной общественности.

В целой гамме отличий между формальной и неформальной войнами Стивен Мец особо выделяет одну черту – «страсть», то есть морально-психологический фактор. По словам американского эксперта, «неформальная война останется грязной и кровопролитной, движимой более ненавистью, чем разумом».

Неформальные войны могут быть симметричными и асимметричными. К симметричным Стивен Мец относит вооруженные столкновения между негосударственными субъектами – повстанцами, бандитскими формированиями, «армиями» так называемых «военных баронов». Асимметричные войны будут вестись национальными вооруженными силами (прием иногда с зарубежной военной помощью) против вооруженных формирований повстанцев внутри страны.

Для вооруженных сил США именно асимметричная война в форме помощи национальным вооруженным силам других государств будет наиболее вероятной. Военная помощь Вашингтона в форме прямого военного вмешательства может оказываться дружественным режимам, а также осуществляться в рамках международной миротворческой и/или гуманитарной операции, или в форме прямой военной интервенции.

Борьба с повстанцами в асимметричной неформальной войне, как утверждает в работе профессора С. Меца, сложная проблема, как на концептуально-теоретическом, так и на практическом уровнях. От военных требуется переосмысление и переоценка вызовов и угроз, равно как и способов их сдерживания и нейтрализации. Перспективными направлениями деятельности по подготовке вооруженных сил к такого рода конфликтам лежат в сферах создания несмертельного оружия, разработки новых нетрадиционных подходов к ведению боевых действий, совершенствования разведки и информационных технологий.

Неформальные войны ближайшего будущего будут иметь много общего со своими аналогами прошлого. По-прежнему главными их жертвами будут мирные жители. Обе стороны в такого рода конфликте будут предпринимать все меры для борьбы друг с другом, воздействуя на слабые места оппонента.

«Война серой зоны»

С окончанием холодной войны военные аналитики столкнулись с появлением новых угроз и вызовов безопасности как на региональных, так и на глобальном уровнях. Одной из таких бурно растущих угроз стал, по терминологии Макса Мэнуринга, «феномен серой зоны»²⁹, т.е. комбинации войны и военных действий как таковых с организованной преступностью. Профессор Стивен Мец из Института стратегических исследований Армии

²⁹ Manwaring, Max ed. *Gray Area Phenomena: Confronting the New World Disorder*. Westview, 1993.

США в своей работе «Вооруженный конфликт в XXI столетии: информационная революция и пост-современная война»³⁰ подробно проанализировал этот феномен.

По мнению американского эксперта, «война серой зоны», как ни странно, не есть нечто новое для вооруженных сил США. Более того, именно «ненормальность» холодной войны заставила всех забыть о войнах этого типа. Вооруженные силы разных стран имеют богатый опыт ведения военных действий против пиратов, шаек бандитов и разбойников. Защищая государство от внешних врагов, вооруженные силы в мирные периоды привлекались к решению задач по поддержанию внутренней безопасности. Сухопутные войска и в меньшей степени ВМС США, как считает С. Мец, имеют длительную традицию ведения борьбы с бандитами, пиратами и разбойниками внутри страны, а не подготовки к крупномасштабной войне против других государств.

В настоящее время стратегическое значение «войн серой зоны» значительно возросло. Информационная эпоха объективно содействует деятельности «врагов из серой зоны»: финансовые потоки проходят через Интернет, минуя какие-либо таможенные, фискальные и иные преграды, барьеры, ограничения.

«Война серой зоны» ведется противником или сетью противников, которые с одной стороны - стремятся к достижению прибыли, доходов, а с другой стороны – в отличие от обычных криминальных групп имеют определенные политические цели и значительно больше возможностей для стратегического планирования и осуществления вооруженного конфликта. Как и повстанцы будущего, действующий в сети «противник из серой зоны» может иметь чисто политические компоненты, некоторые политические компоненты, действующие в форме неформальной войны и чисто уголовные криминальные компоненты.

Все это сильно затрудняет деятельность сил безопасности, которые должны противостоять этому противнику, действующему в сфере между национальной безопасностью и борьбой с преступностью. Как считает С. Мец, силы безопасности для противодействия такому противнику должны быть «серыми», представлять собой комбинацию вооруженных сил и полиции.

Подобно вооруженным силам, «серые» силы безопасности должны обладать достаточной поражающей мощностью (как огневой, так и информационной) и способностью решать проблемы стратегически (планирование, предвидение, упреждение и т.д.). У обычной полиции «серые» силы безопасности должны позаимствовать отношение к уважению закона и правам человека.

Своеобразным прообразом «серых» сил безопасности в странах, придерживающихся французской модели обеспечения национальной

³⁰ Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000. P. 56-59.

безопасности, может служить жандармерия, функции которой находятся как бы между вооруженными силами и полицией. Стивен Мец считает, что создание Американской национальной жандармерии может стать наиболее адекватным шагом на пути сдерживанию угрозы «войн серой зоны».

Профессор Стивен Мец в своем анализе «войн серой зоны» утверждает, что в ближайшие десятилетия XXI века они могут принимать формы стратегической и нестратегической войны.

К стратегической форме такой войны будут прибегать взаимосвязанные организации или, скорее всего, сети таких организаций, стремящиеся к достижению конкретной цели. И хотя эта цель будет скорее финансово-экономической, а не чисто политической, проявления жестокости неизбежны. Нестратегическая «война серой зоны» будет проявляться в форме вооруженных столкновений между вооруженными бандами и отрядами милиции. Это может иметь место при решении проблем беженцев, в ходе этнического конфликта, экологических катастроф или прямой борьбы за власть, когда политические силы прибегнут к мобилизации уличных банд для достижения своих целей. В тех случаях, когда нестратегическая «война серой зоны» будет связана с политической борьбой за власть внутри страны, вооруженные силы окажутся в состоянии наемников, лишь частично контролируемых руководством страны.

Одна частная «война серой зоны» сама по себе не представляет серьезной угрозы для сильного государства. Однако когда целая сеть организаций из «серой зоны» взаимосвязаны, или когда угроза войны из «серой зоны» сочетается с другими угрозами, опасность становится реальной. По мнению С. Меца, в эпоху глобализации существует реальная угроза выхода «войн серой зоны» из узких рамок внутригосударственного конфликта и превращения этого явления в международный феномен.

«Война серой зоны», будучи феноменом малоизученным и малопонятным, неизбежно создает множество трудностей для анализа. Как относиться к противнику: если они уголовные преступники, то их права должны гарантироваться законом; если они военные комбатанты, то они должны быть под защитой законов ведения вооруженной войны.

В заключение профессор С. Мец пишет: «Угроза из серой зоны не должна недооцениваться. Если не сдерживать ее, то конфликт серой зоны может мутировать в неформальную или даже формальную войну, когда одно государство прибегнет к давлению или даже использованию силы против другого государства, предоставляющего убежище и пристанище уголовным преступникам».

«Грязная бомба» и «биохимический» терроризм

Угроза применения ядерного оружия, по мнению многих американских исследователей, с каждым годом становится все более реальной, и вовсе не потому, что обстановка в мире обостряется. Распространение ядерных технологий, вступление в «ядерный клуб» новых государств, имеющих серьезные претензии к своим соседям (например, Индия и Пакистан),

широкое распространение контрабанды ядерными отходами и веществами, недостаточно надежный контроль государств над ядерными арсеналами – все это чревато опасностью «случайного применения» ядерного оружия, облегчает доступ безответственных лиц или даже террористов к ядерному оружию, ядерному топливу, разделяющимся и радиоактивным веществам. Многие американские специалисты высказывают опасения по поводу ненадежности хранения ядерного оружия и атомных материалов в России и других странах бывшего СССР. Реальность осуществления атомного теракта никогда не сбрасывается со счетов: в мире действуют тысячи объектов атомной промышленности и научных лабораторий, не говоря уже о военных складах ядерного оружия.

Могут ли террористы завладеть ядерным оружием и применить его? У специалистов нет единодушного ответа на этот вопрос. Одни считают такую возможность невероятной, другие – не исключают вероятности развития такого сценария. Однако все специалисты сходятся на том, что в настоящее время в руках террористов легко может оказаться определенное количество радиоактивных веществ, применение которых может вызвать катастрофические последствия. Это потенциально возможное явление получило название «грязной бомбы».

В Центре оборонной информации США в 2002 году под редакцией профессора Дж. Ньюхауса вышло серьезное исследование «Оценивая угрозы», где рассматривается возможность применения «грязной бомбы» против США³¹. В качестве «начинки» для радиологического взрывного устройства могут применяться медицинские изотопы и элементы отработанного ядерного топлива. Радиоактивными материалами в данном случае выступают цезий-137, иридий-192 или кобальт-60. Взрыв такой «грязной бомбы» может вызвать длительное радиоактивное заражение значительных участков местности. Применение этого устройства может вызвать прямой эффект – заболевания и смерть людей в результате прикосновения, вдыхания или попадания внутрь организма, а также и косвенный – радиоактивное заражение местности, скота, урожая, продуктов питания, воды и рыбных ресурсов, лесов. Среди множества проблем, которые возникнут в такой обстановке будет, например, проблема утилизации трупов умерших людей и падших животных и птиц.

Еще более страшным может оказаться скрытное применение «грязной бомбы», когда сам факт радиоактивного заражения будет скрыт. А. Кордесман из Центра стратегических и международных исследований в своем исследовании «Защищая Америку: выработка концептуальных рамок территориальной обороны»³² в связи с этим пишет: «Не существует официально составленных расчетов возможных жертв от применения

³¹ Assessing the Threats. Edited by L. Newhouse. Center for Defense Information: Washington, D.C., 2002.

³² Cordesman, A. Defending America: Redefining the Conceptual Borders of Homeland Security. Terrorism, Asymmetric Warfare and Nuclear Weapons. Final Draft. Center for Strategic and International Studies: Washington, D.C., 2001.

радиологического оружия. Именно по причине природы этого оружия, сам факт его применения будет трудно зафиксировать».

Поражающее воздействие «грязных бомб» может быть различным, в зависимости от количества и типа радиоактивных веществ, способа применения (распыления), масштабов применения, времени воздействия на население (разовое или постоянное). Однако даже незначительное радиоактивное заражение вызовет массу последствий – от повышения уровня раковых заболеваний до психологических состояний беспокойства, апатии, паники. Естественно, доставка «грязной бомбы» в район цели смертельно опасна для самих террористов, однако для террориста-смертника даже мучительная смерть может оказаться приемлемой.

Несмотря на то, что применение «грязной бомбы» в отличие от ядерного оружия вряд ли может привести к многотысячным жертвам, важен психологический эффект. По мнению американских экспертов, особенно опасно внезапное применение «грязной бомбы» в крупных городах, против так называемых «символических объектов», к которым относятся здания и сооружения культурного, исторического, политического значения (например, здание ООН или любой небоскреб на Манхэттене). Создание зоны радиоактивного заражения местности вокруг этого объекта может быть намеренной целью террористов.

После теракта 11 сентября 2001 года соответствующие структуры в США начали изучать вопрос о масштабных закупках иодистого калия, который защищает организм от рака щитовидной железы, вероятность которого может резко возрасти в случае радиоактивного облучения. Однако проблема заключается в том, что иодистый калий должен применяться накануне радиоактивного облучения или хотя бы немедленно после облучения. Это требует складирования этого препарата вблизи мест возможного применения радиоактивных веществ, что сделать в принципе невозможно. Как пишет Дж. Ньюхаус, сложность состоит также и в том, что в США не существует централизованной системы, отвечающей за контроль радиоактивной обстановки, оказание помощи пораженным и борьбу с возможной паникой.

Центр стратегических и международных исследований США разработал примерный сценарий развития событий в случае взрыва «грязной бомбы» в центре крупного города. «Грязной бомбой» выступал грузовик, начиненный обычной взрывчаткой и дополнительно 750 граммами цезия. Взрыв может создать радиоактивное заражение местности, на которой проживают десятки тысяч человек. Если в момент взрыва или сразу после него будет дуть сильный ветер, то заражению могут подвергнуться значительные территории. При этом непосредственно в результате взрыва погибнут всего несколько человек, еще несколько десятков столкнутся с серьезными проблемами со здоровьем – в пострадавшем районе может резко увеличиться число случаев онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний.

Однако наибольшую опасность для мирных жителей будут представлять события, которые начнут развиваться непосредственно после объявления о

взрыве «грязной бомбы» и радиоактивном заражении местности. Десятки и сотни тысяч людей мгновенно покинут свои дома и рабочие места и устремятся прочь от опасного места. Статистика полиции США свидетельствует, что во время проведения массовых мероприятий число дорожно-транспортных происшествий возрастает в 2-3 раза. В условиях паники это может привести к гибели десятков и сотен человек в автокатастрофах.

Забитые дороги не позволят быстро обеспечить медицинскую помощь пострадавшим и доставку тяжелой техники для проведения спасательных работ. Паника охватит всю страну: после громких терактов число обращений в спецслужбы и полицию о подозрительных незнакомцах и бесхозных пакетах и автомобилях, в которых могут находиться взрывные устройства, увеличивается в сотни раз. Правоохранительные органы на некоторое время будут дезорганизованы, что может позволить другим террористам, а также криминальным элементам на некоторое время парализовать нормальную деятельность страны.

Органы правопорядка и местные власти будут парализованы обращениями населения с требованиями выдать всем персональные дозиметры, проверить уровень радиации в конкретном доме, открыть бомбоубежища. Сотни тысяч людей, покинувших свои дома, будут нуждаться в той или иной помощи – жильем, питанием, одеждой. Внезапно вспыхнувшая проблема беженцев и вынужденных иммигрантов может оказать катастрофическое воздействие на местные органы власти. Медицинские учреждения, больницы и госпитали столкнутся с массовым наплывом пострадавших. Через какое-то время это может привести к нехватке медикаментов и медицинского персонала.

Непредсказуемый по масштабам и тяжести эффект применение «грязной бомбы» может оказать на экономику страны или отдельного района. Теракт 11 сентября 2001 года выбил экономику США из привычного режима на 2,5 недели, в самом Нью-Йорке работу потеряли 100 тысяч человек. По мнению специалистов из Центра стратегических и международных исследований, взрыв «грязной бомбы» в крупном городе Северной Америки, Западной Европы или Японии способен спровоцировать начало мирового экономического кризиса»³³.

В целом, по мнению американских экспертов, вероятность применения радиологического оружия достаточно реальна. Министерство обороны США считает: «Ирак и сепаратистская Чечня в составе России уже продемонстрировали свои практические знания в области радиологического оружия. Доступность материалов для изготовления радиологического оружия неизбежно будет возрастать по мере того, как все большее количество стран

³³ Цит. по: Одна бомба может взорвать мировую экономику// Washington ProFile на сайте: www.washprofile.org/

включается в программы в области атомной энергии (и оружия), а радиоактивные материалы становятся все более и более доступными»³⁴.

В одном ряду с угрозой применения радиологического оружия стоят и угрозы применения террористами химического и биологического оружия. Считается, что в настоящее время 13 стран мира предположительно обладают биологическим оружием: Россия, Ирак, Иран, Израиль, Северная Корея, Китай, Сирия, Ливия, Индия, Пакистан, Египет, Судан. Особое беспокойство в США вызывает тот факт, что в годы холодной войны в СССР 60-70 тысяч специалистов были вовлечены в программы по разработке биологического оружия. За годы, последовавшие после распада СССР, многие из них эмигрировали в другие страны, в частности в Иран и Северную Корею. Легкость производства, возможность скрыть производство под видом обычного медицинского учреждения затрудняют контроль над наличием и разработками в сфере биологического оружия. По мнению американских специалистов, биологическое оружие может легко оказаться в руках террористов.

Наиболее приемлемыми для потенциальных противников типами биологического оружия выступают оспа, чума, сибирская язва и ботулизм. Вызываемый ими уровень смертности колеблется от 30 до 80%. Оспа и сибирская язва являются наиболее привлекательными для террористов, потому что производство этих возбудителей достаточно простое, а сами они обладают отличной живучестью³⁵.

Последствия терактов с применением химического и биологического оружия могут быть значительно страшнее, уровень смертности – неизмеримо выше, чем в случаях с радиологическим оружием. Использование биологического оружия помимо прямого эффекта может вызвать вспышки эпидемий со всеми сопутствующими последствиями.

Данные Всемирной организации здравоохранения показывают, что применение 50 кг спор сибирской язвы над городским районом с населением 5 миллионов человек может привести к заражению 250 тысяч человек, из которых 100 тысяч обречены на смерть. Управление технологических оценок конгресса США провело в 1993 свое исследование последствий применения 100 кг спор сибирской язвы над таким районом США как город Вашингтон. Расчеты показали, что от 130 тысяч до 3 миллионов человек погибнут. Для сравнения, от взрыва 1-мегатонной атомной бомбы над Вашингтоном масштабы потерь оцениваются в 750 тысяч – 1,9 миллионов человек³⁶.

В одном из исследований, проведенных управлением главного хирурга сухопутных войск США, рассматривалась ситуация поражения террористами токсического химического предприятия в густо населенном районе США. По

³⁴ Cordesman, A. *Defending America: Redefining the Conceptual Borders of Homeland Security. Terrorism, Asymmetric Warfare and Nuclear Weapons. Final Draft.* Center for Strategic and International Studies: Washington, D.C., 2001.

³⁵ Cordesman, A. *Defending America: Asymmetric and Terrorist Attacks with Biological Weapons.* Center for Strategic and International Studies: Washington, D.C., 2001.

³⁶ Cordesman, A. *The Lasting Challenge: A Strategy for Counterterrorism and Asymmetric Warfare.* Center for Strategic and International Studies: Washington, D.C., 2001.

оценкам, в результате такой акции может погибнуть до 2,4 миллиона человек. Более взвешенные оценки показали, что уровень жертв может составить 900 тысяч человек³⁷.

В серьезной работе, посвященной оценке угрозы применения террористами оружия массового поражения в отношении США, Антони Кордесман из Центра стратегических и международных исследований привел несколько десятков возможных сценариев террористических актов.

Среди этих сценариев есть совсем обыденные. Так, несколько террористов в рабочей форме уборщиков с контейнерами, помеченными как чистящее средство, проникают в супермаркет, здание вокзала или аэропорта, станцию метро. В час пик террористы открывают контейнеры, надевают маски-респираторы (или заранее принимают антидот) и спокойно покидают место теракта.

Другой сценарий применения спор биологического оружия не менее прост. Прошедший иммунизацию террорист проникает в определенное общественное здание, где вокруг много людей и незаметно рассыпает применяет порошок или аэрозоль сибирской язвы. Сам факт биоатаки будет вскрыт только через несколько дней, а то и недель. Эпидемия охватит достаточно большой район города. Зараженные здания придется закрыть или уничтожить. В качестве разновидности этого сценария А. Кордесман приводит вариант грузовика, перевозящего строительные грузы. Тонкая струйка пыли, остающаяся за ним не вызовет ни у кого подозрения, однако таким образом биологическому заражению может подвергнуться целый город с многомиллионным населением.

Не менее страшными выглядят последствия радиоактивного, химического или биологического заражения водопроводной системы города. Вспыхнувшая эпидемия будет дополнена паникой, когда через несколько дней террористы официально признают факт заражения воды.

Применение террористами против Соединенных Штатов «грязных бомб», равно как и химического или биологического оружия может вызвать самые серьезные политические и психологические последствия, сравнимые с национальным поражением в обычной войне.

Асимметричная война

Почему великие державы проигрывают малые войны? Именно этим вопросом задаются многие западные военные специалисты. В ходе своего анализа они неизбежно приходят к выводам о «слабости», непригодности вооруженных сил больших держав воевать с небольшими, созданными и воюющими «не по уставу», иррегулярными войсками противника. Майор американской армии Роберт Кассиди считает, что причина этого заключается в самой природе больших армий больших государств: они неизбежно придерживаются парадигмы большой войны и

³⁷ Assessing the Threats. Edited by L. Newhouse. Center for Defense Information: Washington, D.C., 2002.

они не способны на быстрые и резкие изменения ввиду своего размера и иерархического устройства. То есть, большие державы не могут победить в малых войнах просто потому, что они большие³⁸. Они создавались для ведения войны с подобными же армиями вероятного противника (автор имеет в виду советско-американское противостояние в годы холодной войны) и были предназначены для ведения широкомасштабной маневренной войны, даже с применением ядерного оружия. Однако к противопартизанской войне армии больших держав не готовы.

Р. Кассиди обращает внимание на принципиальные моменты, лежащие в основе «неправильной», малой войны, когда мощное современное государство так называемой индустриальной или даже постиндустриальной эпохи сталкивается со слабым противником полуфеодальной, полукOLONиальной или доиндустриальной эпохи. Большая держава привносит в конфликт свои огромные ресурсы и новейшие технологии. Более слабый противник как правило демонстрирует превосходящую силу воли, стремление к победе, готовность выдержать все трудности и победить, несмотря ни на какие жертвы. Как отмечает американский исследователь, лозунг «Победа или смерть!» - это не пустые слова. Это – проявление решимости сражаться и победить в борьбе за независимость, в борьбе за выживание.

История знает много примеров того, как великие державы и империи терпели поражение в асимметричных конфликтах: римляне в тевтонских лесах, британцы в годы американской революции, французы в Индокитае и Алжире, американцы во Вьетнаме, русские в Афганистане и Чечне, американцы в Сомали. И хотя причины, корни и сам ход военных действий везде были разными, главное - в другом: самая мощная держава может оказаться не в состоянии противостоять иррегулярным формированиям слабого противника.

Справедливости ради следует заметить, что большие державы вовсе не обязательно проигрывают такого рода войны. На поле боя они, напротив, побеждают своего противника в навязанных последнему тактических боях и операциях. Большие державы просто не выигрывают в такой войне. Затянувшаяся военная акция, потери и бесперспективность войны приводят к тому, что население большой державы отказывается поддерживать эту войну. Возникает опасность внутреннего социально-политического конфликта.

Стратегия и тактика действий слабого противника заключается лишь в одном – всемерном избегании симметричных военных действий с большой державой в форме «правильной», обычной войны. Военная история знает немало количество фактов того, как армии больших держав в пух и прах громили армии слабых противников именно благодаря своему количественному и качественному превосходству, прежде всего техническому. Однако во всех тех войнах стороны действовали «по честному», сходясь для битвы в чистом поле и действуя по законам военного

³⁸ Cassidy, R.M. Why Great Powers Fight Small Wars Badly// Military Review. 2002. September-October.

искусства. Последним таким конфликтом, как отмечает Р. Кассиди, стала война в Персидском заливе 1991 года, когда иракцы реагировали в соответствии с ожиданиями и представлениями объединенной коалиции³⁹.

Асимметричный конфликт, по мнению майора Р. Кассиди, равно как и большинства других американских военных экспертов, является наиболее вероятной формой конфликта, с которым США могут столкнуться в будущем. Эту вероятность обуславливают четыре фактора:

Западные державы имеют самые совершенные вооруженные силы в смысле их технического оснащения и вооружения.

Экономическое и политическое родство западных держав исключает между ними войну.

Наиболее разумные противники в не-западном мире осознали из опыта войны в Персидском заливе, что не следует идти на конфликт с Западом на его условиях.

И, как результат, США и их европейские союзники вынуждены будут применить свою огневую мощь и техническое превосходство в менее развитом мире против якобы слабого противника, прибегшего к асимметричному ответу.

Именно поэтому асимметричный конфликт, по словам Р. Кассиди, «будет нормой, а не исключением».

Впервые термин «асимметричный конфликт» появился в 1974 году в работе британского исследователя Эндрю Мака «Концепция власти и ее использование для объяснения асимметричного конфликта»⁴⁰. С тех пор, как признают многие американские исследователи, смысл, который вкладывался в понятие «асимметрии», неоднократно изменялся и корректировался. В настоящее время наиболее распространенным определением «асимметричной войны» является конфликт, в котором превосходящие вооруженные силы крупного государства или коалиции государств вторгаются в пределы территории более слабого государства или на территории, контролируемые негосударственными структурами. Повстанческие войны и малые войны как раз и лежат в пределах этого определения. «Малые войны, - пишет Р. Кассиди, - представляют собой противоположные действия и конфликты низкой интенсивности, в которых царит неясность и в которых превосходящая огневая мощь не обязательно гарантирует успех».

Генри Киссинджер в свое время глубокомысленно заявил: «Партизаны выигрывают, когда они не проигрывают. Регулярная армия проигрывает, если она не выигрывает»⁴¹. Осознание этой мысли принципиально важно для

³⁹ Статья была написана Р. Кассиди еще до так называемой второй войны в Персидском заливе 2003 года, которая также развивалась по заведомо проигрышному для иракцев сценарию симметричной войны: сила против силы. Вместе с тем, ситуация в Ираке после окончания военной фазы операции оказалась достаточно напряженной, а войска антисаддамовской коалиции столкнулись с реальностью асимметричной войны.

⁴⁰ Mack, A. The Concept of Power and Its Uses in Explaining Asymmetric Conflict. London: Richardson Institute for Conflict and Peace Research, 1974.

⁴¹ Kissinger, H. The Vietnam Negotiations// Foreign Affairs. 1969, January. P. 214.

понимания не только сути, но и перспектив многих вооруженных конфликтов, актуальных, в том числе, и для сегодняшнего мира.

Асимметричный конфликт воспринимается по-разному обеими ведущими его сторонами. Для слабой стороны это – тотальная война, а для большой державы – лишь ограниченная. Повстанцы не представляют никакой прямой и серьезной угрозы для существования большой державы. Более того, для великой державы в условиях асимметричного конфликта политически неблагоразумно и в военном отношении не нужно даже проводить мобилизацию. Неравенство военных возможностей столь велико, а убеждение в превосходстве своей военной мощи столь глубоко, что большая держава ожидает только победы. А вот для слабой стороны, обладающей ограниченными ресурсами, цель состоит, тем не менее, в изгнании большой державы. Для слабого участника конфликта выбор ограничен: победа или смерть.

В Соединенных Штатах есть свои традиции ведения асимметричной войны. Военные специалисты и историки вспоминают события гражданской войны в США, когда слабые, иррегулярные формирования колонистов в борьбе с британскими регулярными войсками нередко прибегали к партизанской тактике «ударил – беги».

Классическим примером асимметричной войны в современную эпоху специалисты называют конфликт в Чечне. «Для чеченцев, - пишет Син Эдвардс, - достичь убедительной победы было нереально, поэтому их цель состояла в нанесении максимальных потерь русским и подрыве их воли сражаться. Чеченцы использовали стратегию «асимметричности», позволившую им избегать открытого сражения с русскими танками, артиллерией и авиацией. Они стремились уравнять свои шансы, прибегая к «пехотной войне». Вновь и вновь чеченцы заставляли своих противников воевать в условиях города, где русские пехотинцы имели одинаковые с ними шансы погибнуть в бою»⁴².

Российские войска, штурмовавшие город Грозный 31 декабря 1994 года, были и в техническом и в количественном отношении значительно сильнее оборонявших город чеченцев. По мнению майора Р. Кассиди, именно это превосходство сыграло злую шутку с командованием российских войск: уверенность в своих силах способствовала той «безалаберной манере», характеризовавшей российскую «прогулку в улей чеченских противотанковых засад». Автор сравнивает соотношение сил сторон: 230 танков, 454 БМП и 388 артиллерийских систем у российских войск против 50 танков, 100 БМП и 60 орудий у чеченцев. Несмотря на заявления бывшего министра обороны РФ П. Грачева, обещавшего низложить режим Дудаева за несколько часов силами одного парашютно-десантного батальона, бой в городе оказался очень тяжелым для российской стороны. Ожесточенное сопротивление чеченцев вынудило российские войска отступить на окраины города для перегруппировки. За период новогоднего штурма Грозного одна

⁴² Edwards, S. Mars Unmasked: the Changing Face of Urban Operations. Santa Monica, CA: RAND, 2000. P. 28.

из российских частей потеряла 102 боевых машины из 120 имевшихся и практически всех своих офицеров⁴³.

Как пишут американские военные специалисты, конфликт 1994-1995 гг. в Чечне характеризовался «массированным применением российскими войсками техники и превосходящей огневой мощи – от ковровых бомбардировок до концентрированных артиллерийских ударов – что показало их полное безразличие к жертвам среди мирного населения и побочному ущербу». Стратегия же чеченцев заключалась в избегании прямого столкновения с российскими войсками, их изоляции, расчленении на мелкие отряды и группы и уничтожении их по частям. Для российских войск, отмечают американские исследователи, «массированное применение артиллерии применялось вместо маневра пехотой», а наступление «выливалось в тонны боеприпасов, сброшенных на цель»⁴⁴. Роберт Кассиди, в связи с этим, делает вывод: «Похоже, что вместо применения наиболее эффективной тактики отделения партизан от населения, русские в Чечне стремились уничтожить само население, партизан и вообще все, что можно».

Результаты и последствия российской операции в Чечне, равно как и мировой опыт борьбы с партизанами привел Р. Кассиди к принципиально важному заключению: «Партизанская война является скорее испытанием воли и выносливости нации, чем военным соревнованием». С этим утверждением солидаризуются практически все военные специалисты. Сэмюэль Гриффит утверждает: «Успех партизанской войны не зависит от эффективности действия сложных механических устройств, образцово организованной системы тылового обеспечения или даже точности работы компьютеров. Ее главным элементом является человек, а человек значительно сложнее любого из находящихся в его распоряжении устройств. Он наделен интеллектом, эмоциями и силой воли»⁴⁵.

В реальной действительности асимметричная война находит свое проявление в безрассудном (в представлении западного обывателя) противостоянии партизан, вооруженных луками и стрелами, боевым вертолетам современных армий. В этом противостоянии партизаны имеют одно существенное преимущество: для них не принципиальны свои потери, главное – чтобы противник понес хоть какие-то потери. Другими словами, масштабы своих потерь не приводят партизан к осознанию бесперспективности своей борьбы. Напротив, чем выше потери, тем ожесточеннее партизаны сопротивляются, не помышляя о мире.

Свидетельством в пользу этого утверждения американские авторы приводят пример войны во Вьетнаме. Несмотря на то, что США сбросил на Индокитайский полуостров более 7 млн. тонн бомб – в 300 раз больше по

⁴³ Mack, A. Why Big Powers Lose Small Wars: the Politics of Asymmetric Conflict. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. P. 128-133.

⁴⁴ Finch, R. Why the Russian Military Failed in Chechnya. Fort Leavenworth, KS: FMSO, 1997. P. 5-6; Celestan, G. Wounded Bear: The Ongoing Russian Military Operation in Chechnya. Fort Leavenworth, KS: FMSO, 1996. P. 5.

⁴⁵ Griffith, S.B. II. Introduction// Mao Tse-Tung. On Guerilla Warfare. Champaign, IL: University of Illinois Press, 2000. P. 7.

мощности атомных бомб, сброшенных на Японию в конце второй мировой войны, воля к сопротивлению северо-вьетнамцев не была сломлена, то время как воля США «дрогнула». Для слабой стороны в конфликте подрыв воли и морального духа населения большой страны, как это показал опыт Вьетнама и России в начале военной акции в Чечне в 1994-1995 гг., является наиболее эффективным «асимметричным ответом» на военные акции армии противника. Чем дольше длится конфликт, чем более безысходным он становится, чем выше потери в живой силе – тем больше шансов у слабой стороны (партизан, повстанцев) не проиграть, а это – по словам Г. Киссинджера – означает для них победу. Опыт Вьетнама показал, что вызванные войной процессы брожения внутри американского общества сыграли решающую роль в исходе той войны, несмотря на абсолютное техническое, огневое и материальное превосходство американских войск.

Свой трагический опыт войны с партизанами имел и Советский Союз в годы войны в Афганистане. Советская Армия готовилась к военным операциям на Европейской равнине в ходе обычной войны высокой интенсивности, но не имела абсолютно никакого опыта и знаний в области ведения контрпартизанской войны. Советские войска столкнулись с ситуацией, к которой они были полностью не готовы. Отсутствие фронта и тыла, непонятный противник, сложный рельеф местности и неблагоприятные климатические условия – все это сыграло свою роль. В результате достижение быстрой и решительной победы оказалось нереальной целью.

Оливер Рой, оценивая советский опыт действий в Афганистане, писал: «Советы вторглись в Афганистан в соответствии с той же тактикой, что была применена в 1968 году в Чехословакию»⁴⁶. Вплоть до 1982 года советские войска тяготели к проведению «классических» крупномасштабных операций с применением танков и артиллерии. Примерно два раза в год командование советских войск организовывало и проводило крупные армейские операции, в которых принимали участие мотострелковые дивизии полного штата, предназначенные изначально для решительных действий на Центрально-Европейском ТВД против равнозначного противника – войск НАТО. Войска шли вперед, уничтожая все на своем пути, а их тактика «выжженной земли», по оценкам майора Р. Кассиди, приводила только к усилению и ожесточению сопротивления.

Во многом сходные ошибки совершала американская армия во Вьетнаме. Комплекс великой и мощной державы оказал свое негативное влияние на ход и исход той войны. Б. Дженкинс в связи с этим отмечал: «Американская победа над немцами и японцами во второй мировой войне была столь безусловной, столь яркой американской, что даже сама мысль о поражении была невозможной»⁴⁷. Представления о том, что решающими факторами в достижении победы в войне являются «превосходящая огневая мощь, превосходящая численность войск и превосходящая технология»,

⁴⁶ Roy, O. The Lessons of the Soviet-Afghan War. Adelphi paper 259. London: International Institute for Strategic Studies, 1991. P. 16.

⁴⁷ Jenkins, B.M. The Unchangeable War. RM-6278-ARPA. Santa-Monica, CA: RAND, 1970.

стали «формулой военного успеха». Абсолютное убеждение американских генералов в этом привело к тому, что они «слишком недооценивали своего противника и слишком переоценивали свое мастерство»⁴⁸. Продолжая эту мысль, Р. Кассиди заключает: «Армия США оказалась неспособной приспособиться к той войне, которую вели северные вьетнамцы и вьетконговцы (партизаны Южного Вьетнама)». Точно так же не смогли приспособиться к новой войне в новой реальности французы, которые были изгнаны из Вьетнама незадолго до американской интервенции.

И Вашингтон во Вьетнаме, и Москва в Афганистане, особенно на начальных этапах своих военных операций. Делали одну и ту же принципиальную ошибку: недооценивалась роль и значение сил специального назначения, обученных ведению нетрадиционных войн, контрпартизанских операций и других специальных действий. Неудачи и поражения заставляли их, в конечном счете, осознавать необходимость более активного использования сил специального назначения, морской пехоты и воздушно-десантных войск.

Переломным моментом в этом направлении можно считать последнюю военную акцию в Афганистане, проводившуюся американскими вооруженными силами в рамках глобальной войны против терроризма. Силы специального назначения не просто были главным компонентом боевой группировки американских войск в регионе. Они впервые в своей послевоенной истории принимали непосредственное участие не в контрпартизанской, а в реальной партизанской войне.

Симметричность, асимметричность, диссимметричность...

Концепция асимметричной войны, отстаиваемая многими военными специалистами США и официально вошедшая в американское военное планирование, разделяется и многими военно-научными центрами и экспертами за рубежом. Одним из таких центров является Институт стратегических и боевых исследований Великобритании. В 2002 году в этом институте было опубликовано исследование, посвященное различным аспектам будущей войны информационной эпохи⁴⁹, одна из глав которого называлась «Асимметричная война». Ее автором выступил подполковник британской армии Джон Расселл, опытный и эрудированный офицер, служивший в Северной Ирландии, прошедший Косово (2000 г.).

Свои выводы и рекомендации Дж. Расселл строит, в основном, на концептуальных подходах американских военных авторитетов, однако подходит к ним критически и непредвзято.

Асимметрия в военном деле, как подчеркивает Расселл, является общепризнанным фактом. Однако в военно-политическом истеблишменте популярна точка зрения, что асимметрия – это не есть нечто новое.

⁴⁸ Atkinson, R. The Long Gray Line. Boston, MA: Houghton Mifflin Co., 1989. P. 82.

⁴⁹ The Big Issue: Command and Combat In the Information Age. Ed. By David Potts. The Strategic and Combat Institute. March 2002.

Сухопутные войска имеют длительный опыт ведения боевых действий с иррегулярными формированиями. Асимметричная угроза рассматривается многими экспертами лишь как «проявление угрозы со стороны тех же противников, но только в XXI веке, как просто дополнение к главному понятию ведения войны».

В то же время, другие эксперты считают, что асимметричная угроза представляет собой качественное изменение сущности войны. Поэтому, например, война в Персидском заливе 1990-1991 гг. видится одним как прототип новой войны будущего, а сторонникам школы асимметричности – лишь как «последняя маневренная война, как анахронический откат в эпоху второй мировой войны, в которой применялись новые современные системы вооружения». Западные страны, по мнению теоретиков школы асимметричности, ведут подготовку своих армий к вчерашним войнам, к тем войнам, которые они хотели бы вести, а не к тем войнам, которые они скорее всего будут вести. Эти государства «абсолютно не понимают природы асимметричной угрозы».

Основным тезисом апологетов теории асимметричной войны является положение о том, что война как явление претерпевает качественное изменение прежде всего под воздействием политических, социальных и экономических факторов, а вовсе не технологических. Ссылаясь на взгляды американских экспертов из корпуса морской пехоты, британский офицер называет войну будущего войной четвертого поколения или «сетевой войной». Войну «антагонисты будут вести на политической, экономической, социальной и военной аренах, а общаться друг с другом посредством комбинации сетей и СМИ».

Критическим моментом в понимании сущности войны нового поколения является то, что она будет основываться скорее на идеях, а не на военной технологии. Вслед за американскими специалистами, Расселл видит войну будущего как сложное, неоформленное, расплывчатое явление. Трудно будет провести разграничительную линию между состоянием войны и мира, между военными операциями и преступными акциями, между тылом и линией фронта, между комбатантами и некомбатантами. Сами понятия победы или поражения в войне будущего, вполне возможно, просто перестанут существовать.

Нынешние официальные представления о войне, как отмечает Дж. Расселл, к сожалению, во многом основываются на технологическом превосходстве, на процессах, связанных с революцией в военном деле. Будущее видится таким же, как и день нынешний, только с абсолютным технологическим превосходством над противником. Однако это – опасное заблуждение. Как показывает история, роль техники и технологии, как бы высока она не была, никогда не бывает решающей.

В связи с этим подполковник Расселл делит войну на две категории: симметричную и асимметричную. Граница между этими двумя категориями очень расплывчата. Война, начавшаяся как симметричная, может легко перейти в асимметричную и наоборот. Более того, нет никаких

ограничительных факторов, почему бы средства и способы ведения асимметричной войны не могли бы использоваться в симметричной войне, что еще более сближает эти две категории.

Французские военные специалисты к этим двум категориям войны добавляют еще и третью – диссимметричную. Главные отличия между этими категориями заключаются в следующем:

- Симметричная война ведется комбатантами примерно с одинаковыми целями, силами и средствами, доктринами и моральным духом. Когда симметрия в чистом виде приводит в тупик, противники стремятся ее нарушить, усиливая или развивая свои возможности, меняя форму ведения операций или уменьшая возможности противника. Именно это стремление нарушить симметричность означает, что асимметрия почти всегда в той или иной степени присутствует в войне. Однако «асимметрия в войне» абсолютно ничего не имеет общего с «асимметричной войной».

- Асимметричная война характеризуется абсолютным или очень сильным различием между противниками в целях, возможностях, способах действий, в моральном состоянии. Асимметричная угроза означает, что одна из сторон неспособна в силу своей собственной невозможности или превосходства противника в силах противостоять ему обычным способом, используя те же средства и вооружение. Вместо этого эта сторона использует вооружение и тактику незапланированно, неожиданно для противника, чтобы нарушить, нейтрализовать или обойти его технологическое превосходство. Асимметричные атаки обычно нацеливаются на слабые места противника и оказывают очень сильное психологическое и физическое воздействие. Они могут также проводиться с тем, чтобы вызвать неадекватный ответ противника, что подорвало бы легитимность его действий в глазах своего же населения.

- Французская концепция диссимметричности, по словам Расселла, не совсем понятна. Она основывается на огромном дисбалансе между комбатантами или в целях, или в использовании средств, но не в наличии этих средств, или в формах ведения военных действий. Между противниками имеет место очень сильное сходство⁵⁰.

Асимметричность применительно к войне проявляется во многих формах, важнейшими из которых, по мнению Дж. Расселла, являются следующие:

- Асимметричность интересов считается многими американскими специалистами и экспертами других стран Западной Европы главной формой асимметричности. Это проявляется, когда одна из сторон, обычно более слабая в экономическом и военном отношении, видит угрозу своему существованию или жизненным интересам, в то время как другая сторона всего-навсего защищает или продвигает свои несущественные интересы. Более слабая сторона стремится найти пути сдержать оппонента от

⁵⁰ The Big Issue: Command and Combat In the Information Age. Ed. By David Potts. The Strategic and Combat Institute. March 2002. P. 119.

вмешательства в ситуацию, дав ему понять, что потенциальная цена его вмешательства будет слишком высока, а потенциальные выгоды – слишком низкими.

- Асимметричность воли проявляется тогда, когда одна из сторон, настроенная решительно, готова пойти на риск, заплатить большую цену или предпринять такие действия, которые противная сторона не может себе позволить по моральным или юридическим основаниям. Примерами ослабленной воли, как считает Расселл, являются чувствительность Запада к потерям в живой силе, чувствительность к общественному мнению в стране и мире.

- Асимметричность ценностей возникает между противниками, исповедующими сильно различающиеся ценности и убеждения – как на общественном, так и индивидуальном уровнях. Оппонент в этом случае может полностью отрицать или игнорировать международные нормы поведения, пренебрегать общественным мнением как таковым. Асимметричность ценностей в наибольшей степени характерна для противника, прибегающего к этническим чисткам, терроризму, использованию «живых щитов», мобилизации «детей-солдат», угрозе применения оружия массового поражения. Цель противника заключается не в том, чтобы уничтожить нас (т.е. - Запад) военными средствами, а «ограничить нашу свободу действий или вообще воспрепятствовать нашей вовлеченности в события».

- Асимметричность в стратегии и тактике проявляется в стремлении противника нейтрализовать наши преимущества в маневре, развертывании, информационном превосходстве и использовать наши слабые места. При этом к слабым местам западных стран, как отмечает Расселл, относятся чрезмерное внимание обеспечению безопасности своих войск, законодательные ограничения, слабость коалиционной стратегии и др. Противник в качестве асимметричного ответа может пренебречь концепцией победы и поражения, применимой только в межгосударственном конфликте. В качестве своего поля боя он может выбрать заведомо невыгодные для нас условия, например, городскую местность, где наши преимущества в тактике и техническом оснащении могут быть легко нейтрализованы.

- Асимметрия в технологиях и возможностях само по себе не новое явление. Различия в техническом оснащении всегда имели место в конфликтах и столкновениях. В како-то степени конфликты прошлого проявлялись именно в борьбе за техническое превосходство над противником. История полна свидетельств того, что более слабая сторона часто прибегает к более новым технологиям в попытке противостоять техническому превосходству своего оппонента. Наличие на современном рынке вооружений самых современных образцов оружия всевозможных типов позволяет нашим противникам приобрести некоторые из них, дающие им определенное преимущество в конкретной области, например, ПТУР. Нашему противнику нет нужды разрабатывать, производить и оснащать свои вооруженные силы разнообразными системами оружия и военной техники.

Он может легко приобрести то, что ему нужно, и оснастить этим оружием свои ударные отряды. Кроме того, противник в своем асимметричном ответе западным армиям может применить тактику людской волны. В таком случае сверхточное «умное» оружие, предназначенное для поражения точечных целей, окажется неэффективным.

- Асимметрия организационная проявляется в том, что организационная структура вооруженных сил Запада, создававшаяся для противодействия аналогично организованному противнику, в будущей войне неэффективна. В будущем противник, скорее всего, будет представлять собой негосударственные группы, организованные в сети или вообще организационно не оформленные. Эти группы могут вообще быть лишены какой-либо организованной структуры управления или централизованной системы координации действий. Потенциальный противник может представлять собой также свободное объединение разнообразных групп с различными ценностями, убеждениями и целями.

- Асимметрия времени имеет место в том смысле, что Запад не любит длительные и затяжные военные действия. Поэтому для предупреждения интервенции со стороны Запада противнику иногда может оказаться вполне достаточным просто продемонстрировать свое желание вести войну долго.

Теория победы в асимметричной войне

Асимметричная война в классическом понимании этого термина представляет собой вооруженное столкновение между двумя неравнозначными противниками. Такими противниками могут быть регулярные вооруженные силы большой державы и иррегулярные формирования небольшого государства или даже негосударственная структура. Обе стороны находятся в заведомо неравных положениях, что придает конфликту между ними своеобразный характер. Суть этого своеобразия заключается в полном игнорировании каких бы то ни было правил и норм ведения военных действий слабой стороной, если она хочет достичь успеха.

Кто выходит победителем из такого конфликта? Всегда ли побеждает сильнейший? При каких условиях и когда возможно достичь победы в асимметричном конфликте?

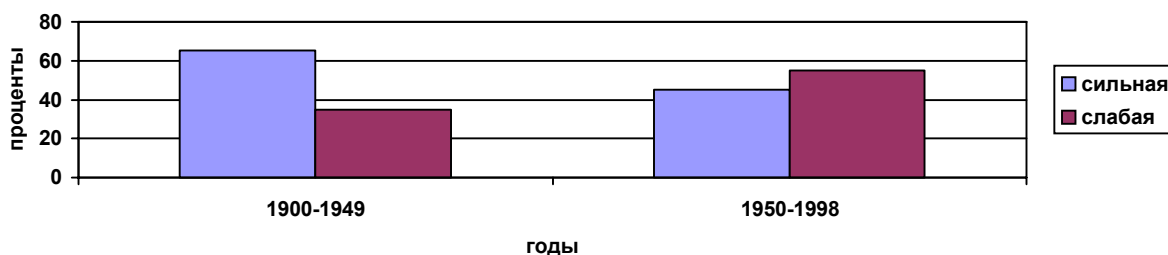
На эти вопросы пытаются ответить многие американские авторы, однако наиболее серьезная работа «Как слабая сторона достигает победы. Теория асимметричного конфликта» принадлежит перу профессора Школы изучения правительства им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета Ивана Аррекуин-Тофта⁵¹.

Проводя ретроспективный анализ асимметричных конфликтов за последние два столетия, автор приходит к выводу, на протяжении

⁵¹ Arreguin-Toft, I. How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict// International Security. Vol. 26. No. 1. 2001, Summer. P. 93-128.

исторически длительного времени сильная сторона имела более высокие шансы победить слабую сторону. Обстановка начала меняться с середины XX века, когда у слабой стороны появилось больше шансов победить сильного противника. По данным ученого, в первую половину века в 65% конфликтов победу одерживал сильнейший участник, а в послевоенный период лишь в 45% конфликтах асимметричного типа победила сильнейшая сторона, в то время как в 55% - более слабый участник.

Победы в асимметричных конфликтах

Аррекуин-Гофт, тщательно изучив типы и варианты действий (стратегий действий) двух сторон – сильной и слабой – в асимметричных конфликтах, разработал типологию асимметричных конфликтов современности, что, в свою очередь, позволило ему обоснованно подойти к прогнозированию хода и исхода этих конфликтов. По мнению американского эксперта каждая из сторон в асимметричном конфликте может прибегнуть или к прямой, или к непрямой стратегии.

Сильная или атакующая сторона имеет выбор: прямая стратегия - стратегия «прямой атаки», непрямая стратегия - «варварские методы».

Слабая или обороняющаяся сторона в ответ прибегает к прямой стратегии - «прямой обороне» или к непрямой стратегии - партизанской войне.

Стратегия «прямой атаки» означает использование военной силы для пленения или уничтожения вооруженных сил противника и тем самым установление «контроля над ценностями противника». Основная цель заключается именно в лишении противника возможности сопротивляться своими вооруженными силами. Война на изнурение и блицкриг являются проявлениями стратегии «прямой атаки». Классическими образцами стратегии «прямой атаки» в истории войн являются операции по овладению «ценностями противника» (столицей государства, промышленным центром или транспортным узлом или даже мостом) или стратегически важными объектами (выгодная для организации обороны местность, форт) в условиях ожесточенных попыток противника не допустить этого. Военные действия приобретают форму сражения или серии сражений, которые могут длиться достаточно долго, чередуясь периодами относительного затишья, пока одна из сторон не признает своего поражения.

«Варварские действия» представляют собой систематическое нарушение законов войны в целях достижения определенных военных или

политических целей⁵². Нарушение законов войны означает не только применение запрещенных видов оружия, таких как химическое или бактериологическое, но и, что самое главное, любые методы насилия по отношению к некомбатантам (изнасилования, убийство, пытки и т.д.). Как и любая другая стратегия, «варварские действия» используются для подрыва морального духа (воли) противника и его способности вести борьбу. Когда воля противника становится, например, целью стратегической бомбардировочной кампании, сильная сторона стремится принудить слабого противника к изменению поведения путем «причинения боли», то есть «разрушения его ценностей». Когда воля противника является целью контрповстанческой кампании, сильная сторона стремится предотвратить рост числа потенциальных повстанцев путем, например, жестких мер наказаний против некомбатантов. Это предусматривает карательные меры и казни мирного населения в ответ за убийство своих солдат. В качестве эффективных мер в борьбе с повстанцами зарекомендовали себя концлагеря.

Исторически самыми распространенными формами «варварских действий» считаются убийство некомбатантов (военнопленных или мирного населения); создание концлагерей; бомбардировки целей, не имеющих военного значения. Бомбардировки войск противника и его военных объектов являются применением стратегии «прямой атаки», в то время как авиационные удары, подобные бомбардировкам Дрездена союзной авиацией в конце второй мировой войны, являются, по оценкам И. Аррегуин-Тофта, типичными «варварскими действиями».

Стратегия «прямой обороны» означает использование вооруженных сил для срыва попыток противника овладеть или уничтожить такие «ценности», как территория, население, стратегические ресурсы. Обе стратегии - «прямой атаки» и «прямой обороны» - нацелены на вооруженные силы противника. Слабая сторона прибегая к «прямой обороне» стремится сорвать наступательный дух и возможности противника, прибегая к статической или мобильной обороне, обороне передовых рубежей или обороне в глубине своей территории. Слабая сторона может попытаться нанести упреждающий удар по сильному противнику с целью подорвать его боевые возможности, как то имело место в ходе японской атаки на Перл-Харбор в декабре 1941 года. Однако в целом, стратегия слабой стороны все равно остается оборонительной.

Стратегия партизанской войны, в определении Ивана Аррегуин-Тофта, состоит в «организации части общества для причинения ущерба противнику, используя вооруженные формирования, подготовленные для действий методами непрямой конфронтации». Много общего со стратегией партизанской войны имеет и стратегия терроризма. Под ущербом противнику подразумеваются уничтожение его живой силы, нарушение тылового

⁵² Законами войны в общепринятом на Западе смысле называются нормы, принципы и правила ведения военных действий, установленные Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., Конвенцией о геноциде 1948 года, четырьмя Женевскими конвенциями 1949 года и двумя дополнительными протоколами к Женевской конвенции 1977 года.

обеспечения, уничтожение инфраструктуры, подрыв его морально-психологического состояния и, что самое важное, выигрыш времени. Несмотря на то, что главными объектами поражения партизан являются вооруженные силы противника, однако главной целью действий партизан считается моральный дух (воля) противника, а не его боевые возможности.

Для ведения партизанской войны как минимум необходимы два главных элемента:

Физическая (наличие болот, гор, труднопроходимых лесов или джунглей) и политическая (плохо охраняемые границы или наличие симпатизирующих режимов на границах) среда.

Поддержка населения (рекрутирование новых партизан, тыловая поддержка, восполнение потерь в боях).

По мнению западных исследователей, самым ярким теоретиком и практиком партизанской войны являлся Мао Цзэдун, который сформулировал основные принципы и методы ведения таких действий. Безусловно, партизанская война не является стратегией достижения быстрого и решительного поражения вторгшегося противника. Наоборот, борьба приобретает затяжной характер. В руках сильной стороны – оккупационных войск противника – находятся все важнейшие «ценности» партизан: поля, семьи, религиозные и культурные центры, города. Все это придает борьбе особо ожесточенный характер.

По классификации Ивана Аррегуин-Тофта, каждая из стратегий действий в асимметричном конфликте одной стороны имеет соответствующую эффективную контр-стратегию другой стороны. В каждой из рассмотренных выше четырех основных типах стратегий действий есть свои сильные и слабые стороны. В зависимости от того, какую стратегию изберет каждая из сторон в асимметричном конфликте, во многом будет зависеть его исход.

Прямая стратегия, так или иначе, нацелена на уничтожение живой силы противника, непрямая стратегия – на подрыв его морального духа. Именно для подрыва воли противника к ведению военных действий в стратегии «варварских действий» удар наносится по некомбатантам, а в партизанской войне – по солдатам противника.

В результате, стратегия одного типа (прямая против прямой; непрямая против непрямой) ведет, как правило, к успеху сильной стороны. В случае столкновения стратегий разного типа (прямая против непрямой; непрямая против прямой) слабая сторона получает преимущества, которые могут обеспечить ей победу. На руку слабой стороне здесь может играть время: затяжная война грозит сильной стороне крахом. По мнению американских исследователей, чем дольше длится конфликт, тем больше шансов, что сильная сторона под давлением своего внутреннего общественного мнения, потерь и других факторов, в конце концов, откажется от его ведения, несмотря даже на возможные военные успехи проводимых операций.

Сильная сторона может в этих условиях прибегнуть к стратегии «варварских методов», однако это не всегда и не везде «сходит с рук»: правда

о применении этих методов ведения войны может «взорвать» саму эту страну изнутри.

Схема: Ожидаемые результаты асимметричного конфликта в зависимости от типа стратегических действий сторон:

		Стратегия слабой стороны	
		Прямая	Непрямая
Стратегия сильной стороны	Прямая	Сильный	Слабый
	Непрямая	Слабый	Сильный

В рамках предложенной И. Аррегуин-Тофтом типологии стратегических действий сильной и слабой сторон, возникают четыре основные модели асимметричного конфликта.

«Прямая атака против прямой обороны». Обе стороны одинаково подходят к оценке приоритетов и ценностей в войне. Война идет «по правилам», стороны признают важность потерь, ведут военные действия за взятие и удержание городов как своеобразных «центров тяжести». Сильный игрок в такой ситуации достигает победы быстро и решительно.

«Прямая атака против партизанской войны». В этих условиях сильная сторона сталкивается с ситуацией, когда на поле боя отсутствует конкретный противник. Партизанские, иррегулярные формирования аморфны, мобильны, гибки и непредсказуемы в избираемой ими тактике действий. Поддержка населения обеспечивает социальную опору их борьбе и их власти. Сильная сторона, борясь с партизанами и повстанцами, вынуждена осуществлять репрессии против местного населения (некомбатантов), что еще более обостряет обстановку. Военные действия затягиваются, что играет на руку партизанам. В конечном счете, слабая сторона выигрывает.

«Варварские действия против прямой обороны». Сильная сторона имеет полное превосходство над слабым противником в силах и средствах, но в определенных ситуациях она может принять решение подорвать моральный дух и волю противника к сопротивлению, то есть к стратегии «варварских методов». Наиболее эффективным и апробированным в военной истории непрямой стратегией сильной стороны являются стратегические бомбардировки мирного населения, в прошлом аналогичные цели достигались блокадами и осадами. Однако чем интенсивнее и дольше

сильной стороной проводится стратегия непрямых действий, чем более варварским становятся последствия, тем сильнее нарастает сопротивление и недовольство населения атакуемой страны. Получается обратный эффект: вместо морального краха противник морально мобилизуется на более решительное сопротивление. В этой ситуации слабая сторона имеет реальные шансы победить.

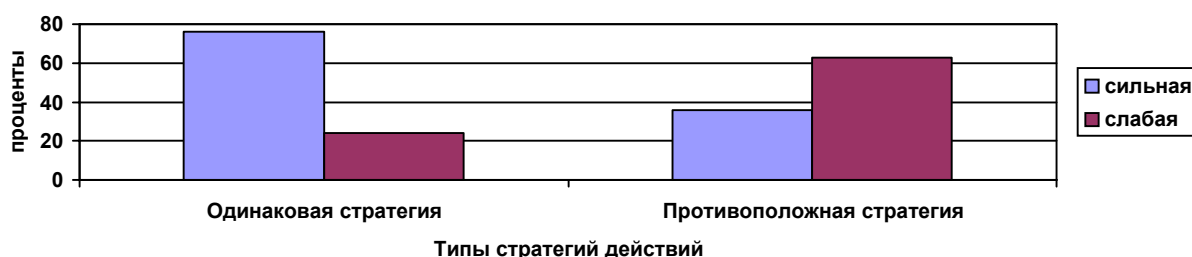
«Варварские действия против партизанской войны». Непрямая стратегия сильной стороны («варварские действия») имеет определенные моральные ограничения. Если же сильная сторона в своих действиях полностью откажется от каких бы то ни было моральных ограничений, у слабой стороны нет шансов на победу. Жесточайшие меры по наведению порядка, в том числе и карательного характера, приведут к тому, что партизан просто некому будет физически поддерживать. Варварские меры, как пишет И. Аррегуин-Тофт, работают как самая лучшая контрпартизанская стратегия, потому что они нацелены на один или оба элемента партизанской войны: среду и население. Мао Цзэдун в свое время сравнивал партизан с рыбой, а народ – с морем. По мнению американских экспертов, в такой ситуации сильной стороне остается только два пути: или изменить условия среды («сделать воду прозрачной»), или осуществлять массовые «зачистки», проводить казни и аресты («осушать море»). В результате, если сильная сторона прибегает к «варварским методам» действий, а слабая сторона – к партизанской войне, сильная сторона побеждает.

Таким образом, из четырех описанных универсальных моделей две выгодны сильной, а две слабой стороне. Сильной стороне выгодны конфликты с применением одностипных стратегий, слабой – конфликты с применением противоположных стратегий. Однако эта закономерность проявляется не всегда в «чистом виде».

Рассмотрев четыре возможные модели асимметричного конфликта в теоретическом плане, И. Аррегуин-Тофт наложил их на большой объем военно-исторического материала. Ученый оговорился, что не все рассмотренные им войны и конфликты XIX-XX вв. полностью подходили под описанные им модели, вместе с тем, полученные результаты позволили сделать некоторые выводы.

Материалы исследования показали, что сильная сторона выигрывала в 76% конфликтах с применением одностипных стратегий, а слабая сторона победила в 63% конфликтах с применением противоположных стратегий.

Шансы на победу при разных стратегиях действий

Конфликты с применением однотипных стратегий для своего успеха должны быть скоротечными, а конфликты с применением противоположных стратегий – наоборот, затяжными. В XX столетии конфликты первого типа длились в среднем 2,69 года, а второго – 4,86 года.

На протяжении XIX-XX вв. наблюдается устойчивая тенденция возрастания количества асимметричных конфликтов с применением противоположных стратегий действий. За период 1900-1949 гг. из 31 асимметричного конфликта 16,1% были с применением противоположных стратегий действий, а с 1950 по 1998 гг. из 36 асимметричных конфликтов – уже 22,2%. Эта тенденция говорит и о другом: постепенно растут шансы слабых стран и «игроков» достичь победы в асимметричном конфликте. И наоборот, как свидетельствует статистика войн XX века, для сильной стороны становится все труднее одержать победу в асимметричном конфликте.

Для наглядности И. Аррегуин-Тофт свел воедино все асимметричные конфликты XIX-XX вв. Каждый из конфликтов оценивался им по двум характеристикам:

Итогам (результатам) конфликта. При этом 1 означает победу сильной стороны, 0 – победу слабой стороны, тупиковую ситуацию или продолжающийся конфликт.

Типу применяемой сторонами стратегии. При этом 0 означает асимметричный конфликт с применением однотипных стратегий действий (прямая против прямой; непрямая против непрямой), а 1 означает конфликт с применением разнотипных стратегий действий (непрямая против прямой; прямая против непрямой). Знак «-» означает отсутствие данных.

Наиболее актуальны полученные автором результаты по асимметричным конфликтам второй половины XX века⁵³.

Асимметричный конфликт	Начало	Окончание	Итог	Тип стратегии
Независимость Индонезии	1945	1946	0	0
Индокитай	1945	1954	0	0
Мадагаскар	1947	1948	1	-
Первый Кашмирский	1947	1949	1	0

⁵³ Наименования конфликтов приведены именно в том виде, как они используются автором.

конфликт				
Палестина	1948	1949	0	0
Малайское восстание	1948	1957	1	0
Хайдерабад	1948	1948	1	-
Корея	1950	1953	0	0
Китай-Тибет	1950	1951	1	0
Филиппины	1950	1952	1	0
Кения	1952	1956	1	0
Независимость Туниса	1952	1954	0	-
Независимость Марокко	1953	1956	0	-
Алжир	1954	1962	0	0
Британско-киприотский	1954	1959	0	0
Камерун	1955	1960	0	-
Русско-венгерский	1956	1956	1	0
Синайский	1956	1956	1	0
Тибет	1956	1959	1	1
Куба	1958	1959	0	1
Южный Вьетнам	1960	1965	0	1
Конго	1960	1965	1	0
Курдский	1961	1963	1	-
Ангольско-португальский	1961	1975	0	-
Китайско-индийский	1962	1962	1	0
Португалия – Гвинея (Бисау)	1962	1974	0	1
Мозамбик	1964	1975	0	1
Вьетнам	1965	1975	0	0
Второй Кашмирский конфликт	1965	1965	0	0
Шестидневная война	1967	1967	0	0
Израильско-египетский конфликт	1969	1970	0	0
Бангладеш	1971	1971	1	0
Филиппины-Моро	1972	1980	1	0
Война Иом-Киппур	1973	1973	0	0
Турецко-киприотский	1974	1974	1	0
Эритрейский	1974	1991	0	0
Конфликт за автономию Курдистана	1974	1975	1	0
Восточный Тимор	1974	1975	0	1
Вьетнамско-камбоджийский	1975	1979	1	0
Западная Сахара	1975	1983	1	-

Гражданская война в Чаде	1975	1988	1	0
Эфиопско-сомалийский	1977	1978	1	0
Афганистан	1978	1989	0	0
Китайско-вьетнамский	1979	1979	1	0
Гражданская война в Перу	1982	1992	1	0
Восстание на Тамиле	1983	1990	0	1
Китайско-вьетнамский	1985	1987	0	0
Война в Персидском заливе	1990	1991	1	0
Ирако-кувейтская война	1990	1990	1	0
Курдское восстание	1991	-	-	0
Сербское восстание	1991	1996	0	1
Русско-чеченский конфликт	1994	1996	0	0

Как видно из представленной таблицы, И. Аррегуин-Тофт не стал подробно анализировать асимметричные конфликты на территории бывшего СССР 90-х годов прошлого века, упомянув лишь Чечню. Применение данной методики для анализа ситуации в других «горячих точках» СНГ могло бы дать продуктивные результаты.

В любом случае, применяя методики американского автора в отношении ситуации в Чечне, можно прийти к следующим выводам:

- Слабая сторона ведет конфликт с применением не прямой стратегии партизанской войны.
- Ответная стратегия сильной стороны, если она хочет достичь победы, может быть только не прямой – применение стратегии «варварских действий».
- В случае применения сильной (российской) стороной стратегии «прямой атаки», слабая сторона (чеченские бандформирования и оппозиционные силы) выигрывает.
- Чем дольше такой конфликт продолжается, тем выше шансы на победу у слабой стороны. В принципе, это как раз и имеет место на Северном Кавказе...

В заключение своего анализа Иван Аррегуин-Тофт формулирует основные положения, которые должны составить основу американского ответа на вызовы асимметричного конфликта.

Во-первых, необходимо готовить общественное мнение к тому, что конфликт будет длительным, несмотря на все технические и материальные преимущества США.

Во-вторых, необходимо создавать и разворачивать вооруженные силы, специально вооруженные, оснащенные и подготовленные для контр-партизанской борьбы.

Таким образом, как указывает американский эксперт, в будущем США неизбежно должны иметь в составе своих вооруженных сил два компонента: обычные силы для ведения симметричной войны и специальные силы для ведения асимметричного конфликта.

Концепция «боевой стаи»

В Исследовательском институте национальной обороны корпорации РЭНД в рамках проекта «Принцип стаи и информационные операции» в конце 90-х годов XX века были проведены специальные исследования, посвященные поиску новых, эвристических форм вооруженной борьбы. Сотрудники корпорации РЭНД Джон Аркуилл и Дэвид Ронфельдт в результате своих теоретических изысканий выдвинули концепцию «боевой стаи»⁵⁴. В 2000 году результаты своего исследования американские ученые опубликовали в работе «Принцип стаи и будущее конфликта»⁵⁵. В своих теоретических построениях они исходили из того, что, во-первых, информация в широком смысле этого слова является важнейшей составляющей войн будущего, и, во-вторых, что вооруженные столкновения будущего будут абсолютно непохожими на «традиционные войны» прошлого.

По мнению Аркуилла и Ронфельдта, на протяжении столетий своей эволюции вооруженная борьба принимала четыре важнейшие формы: рукопашную схватку, массирование, маневренность и действия стаей.

Рукопашная схватка имела форму хаотического столкновения на близкой дистанции, при этом каждый воин сражался по своему усмотрению, полагаясь на свои силы и конкретные возможности. На том этапе требования к организации и информационному обеспечению схватки были минимальными.

Массирование появилось тогда, когда успех военного столкновения стал обеспечиваться организованным, скоординированным применением сил и средств. В результате неорганизованное и трудно управляемое войско в форме толпы приобрело структурированность и организацию: появилось боевое построение в форме фаланги, каре, колонны, строя, возникло понятие фронта и тыла. С принципами массирования тесно связана иерархическая структуризация военной сферы: в отличие от хаотической рукопашной схватки массирование предполагает субординацию, дисциплину, подчинение. Необходимость управления сражением неизмеримо повысила требования к его информационному обеспечению. Возникла необходимость максимально быстро доставлять сообщения (приказы) сверху вниз, обмениваться информацией с соседями, что стало возможным только с соответствующим прогрессом в развитии средств связи и управления.

⁵⁴ Джон Аркуилл и Дэвид Ронфельдт вводят свой новый термин: BattleSwarm – «боевая стая». Словарное значение термина Swarm: рой, стая, толпа; куча, масса.

⁵⁵ John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000.

Маневренность возникла тогда, когда многочисленные, неповоротливые, тяжелые военные формирования стали терять свою боевую эффективность. С развитием огнестрельного оружия массированные боевые построения уступили место рассыпному строю, а вооруженная борьба на поле боя из «классического лобового столкновения» превратилась в поиск слабых мест противника с последующим ударом именно в нем. Суть маневренности как раз и заключалась в поиске и атаке слабых мест противника, прикрываемых незначительными силами на отдельном направлении, своими превосходящими силами, т.е. в уничтожении противника по частям. Для достижения успеха на поле боя войска вынуждены были прибегать к охвату и обходу, ударам по флангам, тактике просачивания. В военной теории появились понятия «центров тяжести» боевого построения, главного и второстепенного направления ударов, сосредоточения сил и огня на решающих направлениях. Стратегия и тактика маневренной войны изменялась и совершенствовалась вслед за развитием науки и техники. Маневренность привела к усложнению информационных потоков на поле боя. Теперь уже один главнокомандующий, подобно Наполеону, не мог контролировать весь ход и исход битвы или сражения. Основными планирующими, организующими и руководящими органами на поле боя становятся штабы. Неизмеримо возросли роль и значение информации и средств обмена информацией, особенно радио.

Действия стай, по терминологии Аркуилла и Ронфельдта, пришли в настоящее время на смену маневренности. Под действиями в стое подразумевается «систематическое пульсирующее использование силы и/или огня разнообразными, но взаимно связанными подразделениями (частями), действующими против противника одновременно со всех направлений»⁵⁶.

Главными отличительными признаками действий стай, таким образом, являются: централизованная (единая) стратегия, но децентрализованная (нешаблонная, разнообразная) тактика действий; автономные или полуавтономные подразделения (части); действиях всех подразделений (частей) против единой цели; «аморфное», но скоординированное действие (атака) со всех направлений; отсутствие понятия «фронта»; совершенная система управления, разведки, информации, компьютерного обеспечения; действия как на расстоянии, так и в непосредственном контакте с противником; сосредоточение главных усилий на подрыве сплоченности противника⁵⁷.

«Важнейшей целью действий стай, - пишут американские исследователи, - является не столько физическое уничтожение противника, хотя это и не сбрасывается со счетов, сколько подрыв его сплоченности. Когда эта цель достигнута, противник потеряет способность эффективно

⁵⁶ John Arquilla, David Ronfeldt. *Swarming and the Future of Conflict*. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. VII.

⁵⁷ John Arquilla, David Ronfeldt. *Swarming and the Future of Conflict*. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 45.

маневрировать или вести огонь, и тогда военные цели действий стаями могут легко быть обеспечены»⁵⁸.

Американские авторы отмечают, что тактика действий стаями не является абсолютно новой формой ведения вооруженной борьбы. В древние века именно так воевали племена кочевников, так действовали монголо-татары, расширяя свои завоевания. Даже в XX веке действия стаями нашли свое проявление в борьбе немецких подводных лодок против англо-американских конвоев в годы второй мировой войны; в тактике действий английской истребительной авиации против бомбардировочных рейдов фашистов; в тактике самопожертвования японских камикадзе. Тактика действий стаями характеризовала войска китайских народных добровольцев в войне в Корее 1950-1953 гг.⁵⁹

Одним из первых военных теоретиков Запада, подошедших к идее действий стаями с научной точки зрения, стал Отто Хейлбрунн (ФРГ). Работая над проблемой обеспечения выживания и поддержания боеспособности обычных вооруженных сил на поле боя атомной войны, он предложил создавать небольшие маневренные части, которые будут способны действовать по принципу «концентрического рассредоточения». Его идея заключалась в том, что эти небольшие подразделения и части будут находиться в постоянной связи друг с другом и соединяться в одном пункте только в момент проведения атаки объекта противника. После атаки эти подразделения и части вновь рассредоточиваются и маневрируют индивидуально, хотя и в тесной координации друг с другом, вплоть до новой совместной атаки. В отдельных случаях эти части и подразделения могут концентрироваться в одном месте для проведения оборонительных операций против атакующего противника.

Действия стаями, в отличие от предыдущих форм вооруженной борьбы, предполагают способность структурировать и обрабатывать огромное количество информации различного характера. Тот, кто будет способен достичь этого, получит огромные преимущества на поле боя.

Классическим образцом действий стаями, как отмечают Аркуилл и Ронфельдт, можно считать действия немецких подводных лодок против английского и американского флотов в годы второй мировой войны. Находясь на «свободной охоте» на океанских просторах, немецкие подлодки при обнаружении конвоя противника нападали на него со всех направлений, подобно стае акул или волков. Такая тактика требовала недюжинных усилий по координации и четкому согласованию взаимных действий. Ошибка в действиях одной подводной лодки могла не просто сорвать всю операцию, но и привести к своим тяжелым потерям.

Бой или операция будущего как на суше, так и на море будет строиться по тем же принципам: войска (силы) в «нормальном состоянии» будут

⁵⁸ John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 23.

⁵⁹ John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 32.

пребывать в рассредоточенном состоянии но в постоянной готовности мгновенно соединиться, нанести удар по выбранной цели со всех направлений и немедленно рассредоточиться. Тем самым войска (силы) обеспечивают свою безопасность, избегая ответных ударов со стороны противника.

Дж. Аркуилл и Д. Ронфельдт в своем исследовании в качестве субъектов действий стаяй выделяют силы (войска) и средства (огонь). Типичным образцом действий сил в стае выступают практически все конфликты низкой интенсивности, в частности действия чеченских боевиков против российской армии в Чечне в 1994-1996 гг. Применение принципа действий стаяй в отношении средств поражения (огня) представляется в маневре огнем на поле боя и сосредоточении всех видов огня на определенной «критической» цели. К этому прибегали американские войска в войне во Вьетнаме (в ответ на действия стаяй вьетнамских партизан) и советские войска в Афганистане.

Что лучше – применение принципа действий стаяй по отношению к силам (войскам) или средствам (огню) – вопрос достаточно сложный. Авторы концепции считают, что первое все же имеет более важное значение, чем второе. Другими словами, несмотря на достижения в развитии средств поражения, успех вооруженной борьбы в будущем при ведении боя по принципам действий стаяй будет в большей степени определяться возможностями и подготовкой войск.

Аркуилл и Ронфельдт в своей работе приводят примеры недавних войн и операций, в которых в наибольшей степени проявились отличия тактики действий стаяй сил (войск) и средств поражения (огня)⁶⁰:

Война (конфликт)	Огонь	Силы
Крупная война на ТВД • ВВС Аргентины в конфликте вокруг Фолклендов • ВВС США в Персидском заливе	+ +++	++ +
Война во Вьетнаме • Вооруженные силы Северного Вьетнама и южновьетнамские партизаны • Вооруженные силы США	 +++	+++ +
Война в Афганистане • Советские войска • Моджахеды	+++ +	+ +++
Война в Чечне • Чеченцы • Российские войска	++ +	+++ +
Операции по поддержанию стабильности		

⁶⁰ John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 37.

<ul style="list-style-type: none"> • Американские войска на Гаити • Формирования Айдида в Сомали 		+++ +++
<p>Общественные движения и явления</p> <ul style="list-style-type: none"> • Партизанская армия Запатистов в Мексике • «Битва за Сиэтгл» 	+++ +	+ +++

Условные обозначения:

- + - тактика действий стай имеет отдельные проявления
- ++ - тактика действий стай проявляется в определенной степени
- +++ - тактика действий стай проявляется в большой степени

Действия стай: принципы и организационные формы

Взяв на вооружение концепцию действий стай как форму войны будущего, американские исследователи попытались провести некоторые аналогии с живой природой.

По их мнению, действия стай проявляются в природе и социуме в нескольких формах.

Первой является, безусловно, форма «социализации» муравьев. Добывая пищу, преследуя жертву, эти насекомые прибегают к «ковровой» тактике, наступая на объект «атаки» сплошной массой. Они легко ломают свои ряды, атакая на жертву со всех направлений. К такой же тактике муравьи прибегают в периоды «территориальных войн» с соседними муравьиными семьями.

Аналогом «муравьиной формы» действий стай в некотором смысле выступает тактика партизан. Именно так воевали против американских войск южновьетнамские партизаны. Организованную форму они принимали при передвижениях, а атаку противника проводили «волнами», сосредоточивая на объекте атаки все силы и доступные средства.

Второй естественно-природной формой действий стай является поведение животных, живущих и охотящихся стаями – волков и гиен. Их стаи по численности не идут в сравнение с муравьиными или осиными роями. Более того, в процессе охоты волчья стая делится на небольшие группы, которые нападают на жертву с разных направлений. Суть волчьей охоты состоит в выборе наиболее подходящей (слабой) жертвы с последующей изоляцией ее от стада, дающего ощущение «безопасности в массе». Успех волчьей охоты достигается способностью длительного бега (гон жертвы) и четкой организацией финального броска.

Тактика волчьей стаи, по мнению Аркуилла и Ронфельдта, издавна традиционно используется партизанами в разных районах мира. Точно так же действовали немецкие подводные лодки в годы второй мировой войны. Аналогичным этому является поведение «футбольных хулиганов», доставляющих немало хлопот полиции во многих странах мира.

Третьей формой действий стай, проявляющейся в природе и социуме, выступают «беспорядочные атаки», подобные укусам москитов и комаров или постоянная борьба вирусов и бактерий с антителами в организме

человека. Эта форма подразделяется на два варианта. Во-первых, «оппортунистический», когда каждый из атакующих преследует свою собственную цель (выгоду), примером чего могут быть комары, акулы или папарацци, «охотящиеся» на знаменитость. Во-вторых, действия всех «беспорядочно атакующих» имеют одну цель, каковой для бактерий, например, служит иммунная система человека.

Принятие на вооружение концепции стаи предполагает и соответствующие организационно-штатные изменения в структуре вооруженных сил. По мнению авторов концепции Дж. Аркуилла и Д. Ронфельдта, «боевая стая» будущего будет включать в себя «кластеры»⁶¹ и «поды»⁶².

Низшим организационным звеном выступает «под», который может быть однородным (аналог подразделения только одного рода войск) или комбинированным (включать в себя компоненты различных родов войск). В будущем возможно существование обеих форм в зависимости от решаемых задач, специфики противника и других факторов. Некоторые «поды» будут предназначены для нанесения удара по объекту противника, другие – по прикрытию атакующих «подов».

Численность «подов» и «кластеров» также будет зависеть от множества факторов. Американские исследователи считают, что «под», как основная организационная единица будущей войны по принципу действий стай, будет примерно равен современному взводу и насчитывать 40-45 военнослужащих и 10 боевых машин. Три «пода» составят «кластер», численность которого будет соответствовать примерно половине пехотной роты современных вооруженных сил США.

Более высокие организационно-штатные структуры, подобные современным батальонам, полкам, бригадам, дивизиям и корпусам в вооруженных силах, предназначенных воевать по принципу действий стай, будут просто не нужны.

Расчеты американских специалистов показывают, что один «кластер» сможет вести успешные боевые действия по принципу стаи против батальона регулярных вооруженных сил противника. Десять «кластеров» будут способны эффективно действовать против «традиционной» дивизии противника.

Действуя по принципу стаи вооруженные силы будут способны уничтожать будущего противника, облик которого пока расплывчат. Им могут выступать не только и не столько регулярные, «классические» формирования вооруженных сил противника, а разнообразные вооруженные и полувоенные организации и структуры широкого спектра. Как вести с ними эффективную борьбу – в этом суть концепции Джона Аркуилла и Дэвида Ронфельдта.

⁶¹ Cluster – пучок, куст, группа, рой.

⁶² Pod – небольшое стадо, стайка; стручок, кокон.

По сути дела, авторы пытаются найти форму адекватного ответа вызову современной эпохи: как регулярным вооруженным силам бороться с иррегулярными вооруженными формированиями и новыми «нетрадиционными» угрозами национальной безопасности. Привычные организационные формы, принципы управления и ведения боевых действий «не работают» в реальной жизни. Опыт боевых действий во Вьетнаме, Афганистане, Чечне свидетельствует о том, что организационно-штатная структура войск не соответствует решаемым войсками задачам. В борьбе с партизанами, повстанцами, террористами регулярные батальон, полк или дивизия выглядят так же неуклюже, как динозавры на улицах городов.

Регулярные вооруженные силы должны найти такие организационно-штатные формы, которые позволили бы им мгновенно реагировать на угрозы, в зависимости от особенностей противника «перетекать» из одной формы в другую. Регулярные войска должны быть способны находить противника, нейтрализовать и уничтожить его, действуя гибко и непредсказуемо, со всех направлений, разными способами и средствами.

С этими взглядами солидаризуются многие американские эксперты. Генерал-лейтенант морской пехоты США (в отставке) Поль К. Ван Райпер сравнивает вооруженные силы будущего с сообществами муравьев или термитов. При сборе пищи или строительстве жилья они действуют вне рамок строгой иерархии. Ключевым моментом, определяющим эффективность вооруженных сил будущего, будет способность военнослужащих понять замысел операции и организовать себя для выполнения боевых задач. В идеале, как утверждает американский генерал, морские пехотинцы должны четко понимать суть и задачи боевой операции и «подстроиться» под них. Задача же командира будет заключаться не в контроле каждого шага и этапа операции, а в оценке действий своих подчиненных⁶³.

Всего этого можно достичь только при абсолютном информационном превосходстве над противником, кем бы он ни был.

⁶³ Daintry Duffy. Information Is a Weapon. What Will Happen When Every Soldier Is Armed With It?// Darwin Magazine. November, 2001.